

PANZER
VORAN!

ТАНКИ В БОЮ

ТАНКИ.
ВПЕРЕД!

ВЕЛИКАЯ ТАНКОВАЯ ВОЙНА

1939 — 1945

МИХАИЛ БАРЯТИНСКИЙ

Михаил Барятинский

**Великая танковая
война 1939 – 1945**

«Яуза»

2009

Барятинский М. Б.

Великая танковая война 1939 – 1945 / М. Б. Барятинский —
«Яуза», 2009

ISBN 978-5-699-33087-4

1 сентября 1939 года, сбив пограничные шлагбаумы, немецкие танки вступили на территорию Польши – началась Вторая мировая война. Историки не зря окрестили ее «войной моторов» – механизированные части и авиация играли в ней определяющую роль. И все-таки по сути и влиянию на исход боевых действий, если сравнить вклад в победу различных родов войск, – мировой пожар 1939 – 1945 гг. был в первую очередь **ВЕЛИКОЙ ТАНКОВОЙ ВОЙНОЙ**. Подробное описание основных танковых сражений, глубокий анализ стратегии и тактики танковых войск, особенности боевого применения бронетехники на всех фронтах Второй мировой, свежий взгляд на теорию и практику танковой войны – в новой книге ведущего специалиста по истории бронетехники, автора военно-исторических бестселлеров, разошедшихся тиражами более 200 000 экземпляров!

ISBN 978-5-699-33087-4

© Барятинский М. Б., 2009

© Яуза, 2009

Содержание

Вступление	5
ВЫХОД ИЗ ПОЗИЦИОННОГО ТУПИКА	6
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Барятинский

Великая танковая война 1939 – 1945

Вступление

1 сентября 1939 года, сбив пограничные шлагбаумы, немецкие танки вступили на территорию Польши – началась ВЕЛИКАЯ ТАНКОВАЯ ВОЙНА! То, что Вторая мировая война была войной моторов – авиационных, танковых, автомобильных, каких угодно, – ни у кого не вызывает сомнения. Но по степени влияния того или иного рода войск на общий ход боевых действий это была в первую очередь танковая война.

Чтобы занять доминирующее положение на полях сражений танкам потребовалось пройти долгий путь, начавшийся с первой танковой атаки на Сомме 15 сентября 1916 года. Из каких этапов состоял этот путь? Как развивались теоретические взгляды на применение танковых частей и какое влияние появление танков на поле боя оказало на тактику ведения боевых действий другими родами войск? Как сложился боевой путь танковых войск противоборствующих сторон во Второй мировой войне? Наконец, чья организация танковых частей и чья тактика их применения оказались лучше? В этой книге предпринята попытка хотя бы частично ответить на эти вопросы.

Эта книга не содержит подробного описания всех боевых действий с участием танковых частей на всех театрах Второй мировой войны – это тема отдельного исследования. Описания танковых боев и сражений даются фрагментарно, дабы наглядно продемонстрировать читателю те или иные тактические приемы или, например, показать, в какой степени организационные формы танковых соединений влияют на характер боевых действий и на их результат. Возможно, что некоторые суждения и оценки автора не совпадают с традиционными и общепринятыми – думать, анализировать и, наконец, иметь собственное мнение никому не запрещено. А вот насколько убедительно отстаивается и аргументируется та или иная точка зрения – судить читателю.

По понятным причинам основное внимание в книге уделено Восточному фронту. Именно здесь было сосредоточено наибольшее количество танковых сил, принимавших участие во Второй мировой войне, именно здесь танковые войска действовали с невиданным доселе размахом. Без преувеличения можно утверждать, что именно советско-германское танковое противостояние, беспрецедентное по длительности и напряженности, и позволяет называть эту войну Великой танковой войной!

ВЫХОД ИЗ ПОЗИЦИОННОГО ТУПИКА

Как это ни цинично звучит, но война – это двигатель прогресса! Чтобы убедиться в правоте этой точки зрения достаточно сравнить степень эволюции оружия и предметов сугубо мирного назначения, перечень которых, кстати, не слишком велик. Так, например, эволюцию орудий для обработки земли от первобытной палки-копалки до современного плуга можно условно разделить всего на три-четыре этапа. Ну, а от такой же палки, ставшей дубиной в руках «человека разумного», до современной баллистической ракеты таких этапов во много раз больше. При этом большинство из них приходится на последние 100–150 лет. Скорость эволюции средств ведения войны в XX веке была наивысшей.

Параллельно с совершенствованием вооружения шел процесс эволюции способов его применения. Все это самым непосредственным образом влияло на тактику. Под последней, как известно, понимают составную часть военного искусства, охватывающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Вооружение и тактика всегда находятся в очень тесной взаимосвязи. Порой на появление тех или иных образцов вооружения ответ находится не в создании аналогов (или, во всяком случае, не только в них), а в изменении тактических приемов. Так, например, появление на вооружении пехоты нарезных ружей сначала просто увеличило дистанцию огневого боя, а когда им на смену пришли скорострельные магазинные винтовки, появился рассыпной строй. Последний, в свою очередь, серьезно расширил (в буквальном смысле) боевые порядки войск – им стало тесно на каком-то одном конкретном поле боя. Фронт растягивался на десятки, сотни, а затем и тысячи километров. Наступила эпоха многомиллионных армий. Убить или хотя бы вывести из строя такую массу народа с помощью одних магазинных винтовок не представлялось возможным – появились пулеметы. Впрочем, к пулеметам мы еще вернемся.

Все эти рассуждения, конечно, выглядят очень упрощенными, отчасти утрированными, но их целью является желание уловить суть взаимозависимости оружия и способов ведения войны, понять, почему те или иные образцы вооружения и боевой техники появились именно тогда, когда появились. Безусловно, для их появления должны были сложиться определенные условия. Однако это правило прослеживается далеко не всегда. Оно в полной мере применимо к самому знаменитому детищу XX века – авиации. Летать человечество мечтало всегда и все для этого к началу прошлого века уже сделало, включая необходимые аэродинамические расчеты. И как только в распоряжении энтузиастов появился достаточно легкий и мощный двигатель – человечество полетело. Тут технический прогресс шел несколько впереди военного дела, возможно потому, что самолет не является оружием в чистом виде – он многофункционален. По-другому обстояло дело с другим детищем минувшего века – танком.

Стоит задаться вопросом – почему танки появились именно тогда, когда появились? Ведь известно, что условия для их создания окончательно сложились уже в начале XX века: компактный экономичный двигатель; движитель значительно более высокой проходимости, чем колесный; наконец, прочная броневая защита.

Появление танкового мотора стало возможным тогда, когда уже был накоплен достаточный опыт строительства и применения автомобильных двигателей внутреннего сгорания.

Прообраз же современного гусеничного движителя впервые был создан аж в 1713 году Д'Эрманом. Проект, получивший положительный отзыв Французской академии, представлял собой тележку для тяжелых грузов, перекачивающуюся на бесконечных лентах из деревянных катков, концы которых шарнирно соединены планками. Годом создания гусеничного движителя можно считать 1818-й, когда француз Дюбоше получил привилегию на способ устройства экипажей с подвижными рельсовыми путями. В последующие годы развитие идеи Дюбоше и применение движителя его конструкции как для военных, так и для гражданских целей шло

чрезвычайно быстро. В 1821 году англичанин Джон Ричард Бэрри получил патент на изобретение бесконечных цепей, намотанных на два задних колеса повозки, по одной с каждой стороны. Первая паровая гусеничная машина английского изобретателя Джона Гиткота получила патент в 1832 году и использовалась в течение двух лет на разработке болотистых земель в Ланкашире. В 1837 году проект экипажа с подвижными колесами, который содержал в себе все основные элементы гусеничного движителя, был запатентован в России штабс-капитаном Д. Загряжским.

Вполне современные металлические гусеничные цепи получили широкое распространение на американских тракторах «Ломбард» в 1904 году.

Танковая броня также имеет свою предысторию. Бронирование сухопутных повозок стало применяться значительно позднее бронирования морских и речных судов. Броненосный флот, как известно, зародился и был опробован в бою в 1855 году во время Крымской войны. Чрезмерное возрастание массы судов при применении железной брони заставило перейти к стали. Этому способствовали и успехи металлургической промышленности. Первые стальные плиты были испытаны в 1875 году. В 1877 году фирма «Шнейдер-Крезо» изготовила броню из мягкой литой стали. В 1892 году Крупп получил броню из легированной стали. Годом возникновения танковой брони можно считать 1900-й, когда впервые во время Англо-бурской войны полковник английской армии Темплер предложил бронировать повозки, предназначенные для транспортировки английских частей с южного побережья Африки в глубь материка. Три повозки, паровой автомобиль-тягач и два 150-мм артиллерийских орудия составляли безрельсовый блиндированный поезд, который был защищен листовой 6, 3-мм хромоникелевой сталью, не пробивавшейся пулями маузеровских ружей даже на расстоянии 6 м.

Первый проект вездеходной бронированной боевой машины был разработан капитаном французской армии Левассером в 1903 году, но осуществлен не был. Проект колесно-гусеничного танка был представлен в 1913 году австрийскому военному министерству поручиком Г. Бурштыном. На проекте была наложена резолюция «человек сошел с ума».

Вот так, в 1913 году человека, предложившего вполне работоспособную конструкцию танка объявили чуть ли не сумасшедшим, а спустя три года его идеи были претворены в жизнь! В чем же причина? Почему танк не появился в преддверии Первой мировой войны, несмотря на то, что для этого имелись все технические предпосылки? Разве не заманчивые перспективы открывало применение в бою этого нового вида боевой техники, особенно с учетом все, возрастающей мощи стрелкового оружия?

Парадокс ситуации заключался в том, что никто из потенциальных противников не желал втягивания в затяжную войну. Все собирались вести войну «молниеносную», энергично наступать, дабы завершить разгром противника в несколько недель, в крайнем случае – месяцев. Однако никто не учел одного обстоятельства: противостоящие коалиции – «Антанта» и «Тройственный союз» – оказались достаточно сильны, чтобы сорвать наступательные планы противника, но одновременно и слишком слабы, чтобы реализовать собственные. Осознание этого факта было оплачено очень дорогой ценой – уже в августе 1914 года обученная пехота всех воюющих армий почти целиком исчезла в братских могилах и госпиталях. Огонь винтовок и пулеметов почти мгновенно уничтожал каждого незащищенного бойца. Фронты зарылись в землю и опутались колючей проволокой. Прежде чем перейти в наступление, атакующая сторона должна была смести эти заграждения своим артиллерийским огнем, что, в свою очередь, в корне уничтожало элемент внезапности и давало противнику время и возможность предпринять необходимые контрмеры.

Оборона, атакуемая противником с самого небольшого расстояния, требовала оружия, которое могло бы развить максимальную скорострельность. Пулемет стал главным оружием пехоты, наложившим свой отпечаток на весь ход войны. Фронты замерли, налицо был насто-

ящий кризис военного искусства – позиционный тупик. Средства обороны возобладали над средствами наступления.

Для подтверждения этого тезиса, а также с целью характеристики периода от установившихся с 1915 года форм позиционной войны до начала танковой войны осенью 1917 года необходимо хотя бы вкратце рассказать об основных моментах кампании 1916 года – сражениях под Верденом и на Сомме.

Кампании 1916 и 1917 годов на западном театре представляли собой расцвет позиционных форм борьбы и фактически состояли из двух больших многомесячных операций, стоивших противоборствующим сторонам огромных людских и материальных потерь.

Первая операция – под Верденом – только в своей начальной фазе охватывала период свыше четырех месяцев (131 день). Она была задумана в 1915 году с целью разгрома французов на верденском плацдарме, который врезался в северо-восточном направлении в расположение германских армий. Ближайшей целью германского командования являлось уничтожение как можно больших французских сил для открытия дороги на Париж. Подготовка немецкого наступления не осталась тайной для французского командования. За 47 дней до начала наступления немцы развернули против атакуемого участка 1225 орудий, в том числе 703 тяжелых (из них в том числе 175 калибром от 210 до 420 мм). На направлении главного удара плотность орудий на 1 км фронта составляла 22 тяжелых и 8 легких. Кроме того, в артподготовке принимали участие 152 миномета, из которых 2/3 крупных и средних калибров. В дело были введены 12 дивизий со средней плотностью четыре батальона на 1 км фронта. Французы, в свою очередь, также накапливали силы и к началу германского наступления сосредоточили 8 дивизий и 632 орудия, из которых 244 были тяжелыми. Плотность сил обороны составляла 3 тяжелых и 9 легких орудий, а также 1, 5 батальона на 1 км фронта.

Главный удар 5-й германской армии на Верден наносился группировкой из трех корпусов с севера на юг. Артиллерийская подготовка началась 21 февраля 1916 года в 7. 15, а через 9 часов – в 16. 15 – германская пехота пошла в атаку. Предполагалось, что при такой концентрации сил и средств атака будет проведена «ускоренным способом».

В течение 21–24 февраля немцы заняли две первые линии обороны французов и 25 февраля овладели фортом Дуомон. Ведя наступление «ускоренным способом», германские части за пять суток непрерывных боев продвинулись на этом участке на 6 км, а на прочих участках и того меньше – 2, 5–3, 5 км.

Подход крупных французских резервов остановил немецкое наступление, сражение перешло в затяжную фазу. Бои продолжались с переменным успехом, то нарастая, то затухая. Форты Дуомон и Во несколько раз переходили из рук в руки и, в конечном счете, то, что от них осталось, досталось немцам.

В третьей фазе сражения в наступление перешли французы и к концу декабря 1916 года оттеснили немцев почти на те же позиции, с которых они начали наступление в феврале.

Первый в мире танк «Маленький Вилли»

Потери сторон были чудовищными. Только в первой фазе сражения с 21 февраля по 15 июня 1916 года немцы потеряли 357 тыс. человек убитыми и ранеными, а французы – 362 тыс. человек. Расход снарядов всех калибров составил 14 350 117 шт. с обеих сторон.

Вторая операция в кампании этого года – сражение на Сомме – явилось результатом четырехмесячного сосредоточения сил и развертывания англичанами и французами грандиозных средств технической борьбы. На 40-км участке фронта было развернуто: тяжелых орудий – 1160, легких – 1300, траншейных – 1473. А всего – 3933 единицы, то есть в три раза больше, чем у немцев под Верденом. Выше была и плотность орудий на 1 км фронта: на французском участке – 133, а в среднем на всем фронте союзников – 99.

В общем на Сомме против 29 союзных дивизий немцы имели 8, а против 3933 орудий только 608 (из них 212 тяжелых). По мере развития сражения силы обеих сторон заметно увеличились: союзники подбросили 68 дивизий, немцы – 49.

Немецкие позиции представляли собой две укрепленные полосы (строилась и третья) с сильно развитыми в глубине обороны отдельными опорными пунктами.

В первой фазе операции наступление англо-французских войск, начатое 1 июля 1916 года, развивалось в течение 10 дней. К исходу 10 июля продвижение союзников составило от 0, 5 км на левом фланге английского участка до 6, 2 км в центре французского. А ведь именно на английском участке по замыслу союзного командования наносился главный удар. Нечем иным, как провалом наступления эти результаты назвать нельзя.

Вторая фаза операции ознаменовалась небольшим продвижением французов на флангах своего участка, а в основном свелась к попыткам англичан продвинуться левым флангом на север, так как нельзя было ничего предпринять в центре до тех пор, пока с северного фаса немцы фланговым огнем простреливали английские позиции. К началу сентября продвижение англо-французов нигде не превысило двух с небольшим километров.

Третьей фазой операции по сути стала новая попытка развить решительное наступление. 3 сентября английская пехота после мощнейшей артподготовки пошла в атаку и после четырехдневных упорных боев смогла продвинуться вперед на 1, 6 км на участке шириной 2 км. Французы действовали успешнее – они захватили одну деревню.

15 сентября англичане, можно сказать из последних сил, вновь пошли в решительную атаку и ввели в дело свои первые 32 танка! Собственно, в бою их участвовало меньше – 9 танков застряло, а у 5 отказали двигатели. В бой вступили молодые танкисты на крайне несовершенных и неповоротливых машинах. Для поворота танка, например, требовались значительные усилия и согласованная работа 3–4 человек.

Тряска была такой, что «все не закрепленное внутри танка сильно швыряло». Кроме того, боевые машины изрядно шумели. Это производило сильное моральное воздействие на противника, но мешало скрытному передвижению. На ходу в танке скапливались выхлопные газы и бензиновые пары, температура редко была ниже 32°C, иногда достигала даже 70°C. Отравления выхлопными и пороховыми газами, тепловые удары были обычным делом у экипажей. Начиналось с головной боли, тошноты и кончалось бредом и обмороками. Бывали и смертельные случаи. Даже в бою танкисты иной раз выскакивали наружу и отдыхали под машиной.

Проходимость танков была невелика. На твердом грунте удельное давление достигало 2 кг/см², в мягкий грунт гусеница погружалась, увеличивая опорную поверхность и уменьшая удельное давление до 0,5 кг/см², но при этом сильно возрастало сопротивление. Узкие гусеницы вязли, и тяжелые машины садились на грунт, пни и камни. Невысокой оказалась и механическая надежность и живучесть агрегатов, жесткость корпуса. Часты были прогибы днища и боковых выступов, выводившие из строя узлы трансмиссии и ходовой части. Траки из упрочненной броневой стали отличались хрупкостью – водители старались избегать щебня или камней, переходов через железнодорожные переезды.

Тяжелый танк Mk I «самец». Снимок сделан в «Долине шимпанзе» на Сомме накануне исторической атаки 15 сентября 1916 года

Целью атаки был захват деревень Морвиль-ле-Беф, Гведекур и Флер. С помощью танков планировалось атаковать наиболее укрепленные пункты. Танки должны были пойти в атаку на 5 минут раньше пехоты, чтобы она не попала под огонь, который на них обрушит противник.

Только 12 танков достигли германских окопов, 11 – преодолели их, 9 – с ходу захватили деревню Флер. Один из танков, остановившись над немецким окопом очистил его огнем. Затем пехота при поддержке танков заняла Гведекур. В результате трехчасового боя в руки англичан перешел участок в 5 км по фронту и до 5 км в глубину, который они безуспешно пытались захватить в течение 35 дней. Более глубокой задачи в этом бою танки не имели. Потери пехоты были ничтожны.

Следует, однако, подчеркнуть, что и в этом первом бою и в большинстве последующих танки добивались успеха во многом благодаря психологическому эффекту. И под Аррасом, и на Ипре им сопутствовал успех скорее вопреки, чем благодаря. Причем речь идет лишь о тактическом успехе танковых подразделений на фоне общего провала операций. Так, например, при боевом крещении французских танков 16 апреля 1917 года у Шмен-де-Дам, несмотря на катастрофический провал операции в целом, только одни танки без сопровождения пехоты и при слабой артиллерийской поддержке прорвали на всю глубину германские позиции, и ушли оттуда только по причине неудачи других родов войск. На всем остальном фронте, где атака проводилась без участия танков, французам едва удалось добраться до переднего края немецкой обороны.

Вплоть до осени 1917 года танки использовались союзниками в условиях фактического игнорирования трех основополагающих принципов их применения. То есть не массированно, в основном без учета фактора внезапности и не на танкодоступной местности. Только осенью 1917 года британский Танковый корпус наконец-то получил возможность использовать свою технику должным образом. Речь идет о сражении у Камбрэ, значение которого в развитии танков как нового рода боевой техники, а главное – в развитии тактики танковых войск, трудно переоценить.

Участок для танкового наступления был еще летом выбран начальником штаба Танкового корпуса полковником Фуллером. Район Камбрэ с выдающимся в сторону германцев фронтом располагал развитыми путями сообщения, местность здесь была ровная (разность высот не превышала 100 м) в целом вполне проходима для танков. Серьезным препятствием мог оказаться только канал реки Шельды. На эти позиции немцы отошли в марте 1917 года и укрепили их достаточно сильно. Так, главная позиция глубиной 5–7 км состояла из 2–3 сплошных линий окопов, прикрытых во всю длину проволочными заграждениями шириной до 30 м. Имелись тут и прекрасно оборудованные оборонительные сооружения с хорошими секторами обстрела и многочисленные блиндажи. Крытые ходы сообщения гарантировали безопасность движения из одной траншеи в другую. Эта полоса обороны представляла собой лишь первую позицию.

Примерно в 2 км позади нее находилась промежуточная, которая также имела две линии траншей с проволочными заграждениями, но она не везде была закончена.

Замысел английского командования состоял в том, чтобы внезапным ударом большого количества танков совместно с пехотой при мощной поддержке артиллерии и авиации прорвать германский фронт на участке между Сен-Кантенским и Северным каналами, а затем конницей и пехотой развить прорыв и овладеть в оперативной глубине городом Камбрэ, лесом Бурлон и переправами через канал Сенси.

Англичанам удалось скрытно сосредоточить в этом районе сильную ударную группировку: восемь пехотных дивизий, один кавалерийский корпус, 1009 орудий, 378 боевых и 98 вспомогательных танков (фактически весь Танковый корпус), 1000 самолетов. На 12-километровом участке прорыва удалось создать плотность до 85 орудий и 32 танков на 1 км фронта.

Танки Mk IV на улицах Лондона. Отчетливо виден ручной пулемет «Льюис», установленный в лобовом листе рубки

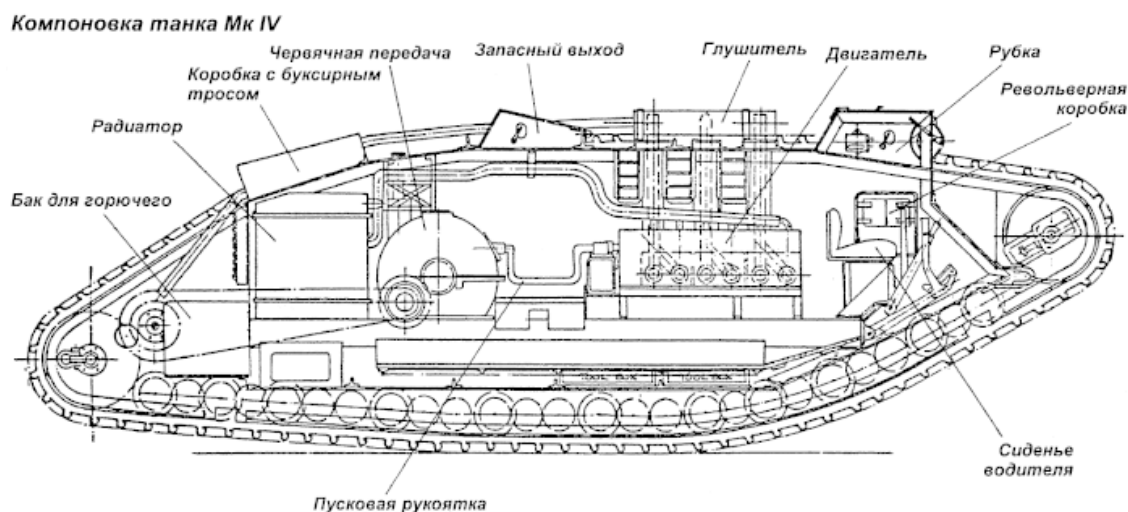
Англичане имели более чем двойное превосходство в живой силе, абсолютное в танках, 4, 5-кратное в артиллерии. Надеясь на эффект массированного применения танков, англичане вдвое увеличили фронт наступления пехотной дивизии – в среднем два километра против одного на Сомме. Из 98 специальных танков 9 было оснащено радиостанциями, 52 танка снабжения перевозили бензин и боеприпасы, 1 – телефонное имущество, 2 – мостовое оборудование, 32 машины, оснащенные кошками-якорями на четырехметровых стальных тросах, предназначались для расчистки проходов в заграждениях для кавалерии.

Танки должны были входить в состав всех волн и эшелонов пехоты. Первая волна выделялась для подавления выдвинутых вперед германских орудий. Главный эшелон танков должен был совместно с пехотой прорвать первую германскую позицию. Первый эшелон назначался для атаки второй укрепленной позиции, второй – третьей, а третий эшелон – для действий с конницей. Тактического резерва танков не предусматривалось, но 36 машин выделили в технический резерв.

Задачи экипажам были поставлены простые и ограниченные, с учетом их возможностей. Командиров снабдили картами и аэрофотоснимками местности с указанием маршрутов и задач. Впереди взвода должен был двигаться пушечный танк, в 80 – 100 м за ним – пулеметные. Для преодоления широких окопов над рубкой боевых машин цепями крепили большую фашину диаметром 1,4 – 1,5 м и длиной 3 м (она собиралась из 75 стандартных фашин).

Прохождение трех линий окопов планировалось следующим образом. Первый танк, пройдя проволочное заграждение, должен был повернуть у первого окопа влево и обеспечить огнем продвижение следующих. Левый танк подойдя к окопу, сбрасывал фашину, переходил по ней и, ведя огонь, также поворачивал влево. Правый танк проходил по той же фашине, подходил ко второму окопу, сбросив фашину, преодолевал его и поворачивал влево. Первый танк разворачивался, проходил два окопа, с помощью своей фашины преодолевал третий. За ним продвигались оба пулеметных танка и выстраивались позади пушечного. Сброс фашины экипаж производил, не выходя из машины, а пехота обозначала ее края белым и красным флажками. Однако на практике фашина часто сама сваливалась впереди рубки и перекрывала обзор. Чтобы поправить ее, экипажу приходилось покидать машину под огнем.

На каждый танк пришлось запасти 318 л бензина, 22 л моторного масла, 182 л воды, 68 л тавота, 3 кг смазочного масла. Каждой роте придали два танка снабжения.

Компоновка танка Mk IV

Минимум за две ночи до начала операции танковые подразделения выгрузили на железнодорожных станциях, и они своим ходом выдвигались в места сосредоточения в 4 – 8 км от германских позиций. Танки прятали под деревьями, накрывали маскировочными сетями и полотнищами, маскировали под стога. 19 ноября началось скрытное выдвижение на исходные позиции в 800 – 1000 м от передовых германских окопов. Шум двигателей заглушали беспорядочным артогнем. Пути движения были заранее разведаны и вплоть до немецких проволочных заграждений отмечены трассировочными цветными шнурами.

Ночь на 20 ноября была холодной, дождливой и туманной, как и весь ноябрь. В 7. 10 утра танки двинулись со своих исходных позиций. Машины шли на малой скорости, почти бесшумно. Через 10 минут британская артиллерия открыла огонь. Дымовые снаряды еще больше увеличили естественную пасмурность ноябрьского утра. Танки двигались в 200 м позади огневого вала, пехота – за ними, во взводных колоннах, по проделанным гусеницами проходам в проволочных заграждениях. Вскоре открыла заградительный огонь немецкая артиллерия, но снаряды ложились слишком далеко. К 8. 00 англичане овладели первой германской позицией, к 13. 00 – второй, а затем достигли канала Шельды.

Бой на всем фронте прекратился только в 18. 00 с наступлением темноты. За 10 часов английские танки и пехота прорвали все три германские оборонительные позиции на фронте шириной 12–13 км и продвинулись на 10 км в глубь немецкой обороны, при этом было захвачено около 8 тыс. пленных и 100 орудий.

Но это был не такой прорыв, как бывало до сих пор, то есть когда обороняющийся после длительного напора противника несколько оттеснялся назад, причем обе стороны несли тяжелые потери. Это был прорыв в полном смысле слова: массы танков прорвали фронт почти повсеместно, атаковали с флангов и тыла и уничтожили живую силу противника, в результате чего весь район прорыва был совершенно очищен от немецких войск. Это стоило потери 280 машин, причем только 60 из них были подбиты артогнем, основная же часть вышла из строя по техническим причинам (лопнувшие гусеницы, сломанные шестерни бортовых коробок передач и т. д.). Из 4 тыс. человек личного состава Танковый корпус потерял 74 человека убитыми, 457 ранеными и 39 пропавшими без вести.

Следует подчеркнуть, что в этом сражении танки оказались единственным родом войск, выполнившим все свои задачи. Для атаки кавалерийского корпуса также были сделаны при-

готовления: 32 танка-растаскивателя со специальными буксирами очистили от проволочных заграждений все три линии, а мостовые парки для кавалерии были подвезены к каналу на двух танках. Но кавалерия упустила драгоценное время – продвижение конного корпуса было остановлено огнем автоматического оружия подоспевших немецких резервов.

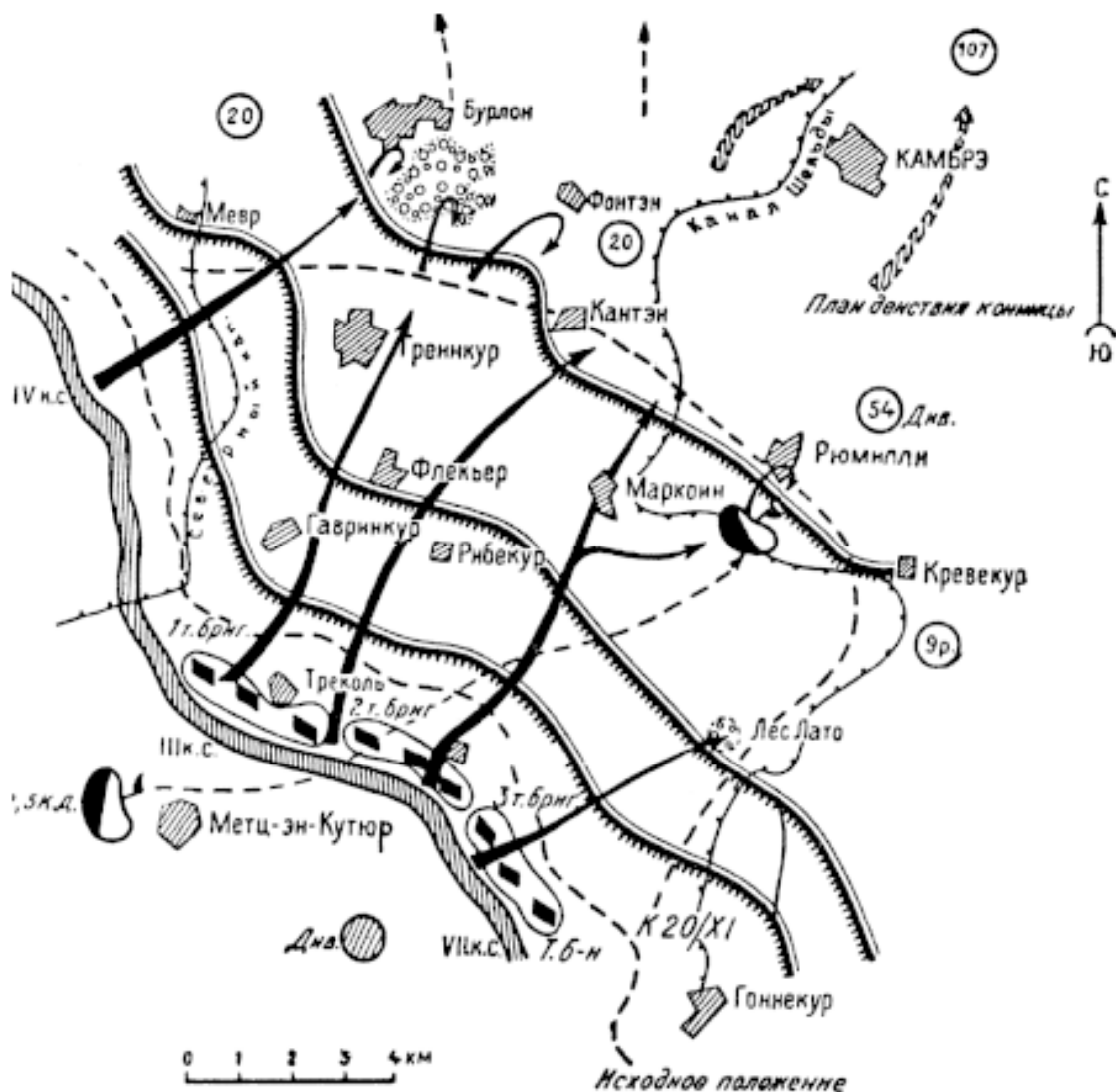
Танк Mk IV во время преодоления препятствия. Франция, сентябрь 1917 года

23 ноября англичане попытались возобновить наступление. При этом, правда, отсутствовала как внезапность, так и массирование танков. В итоге атаку танков на Фонтен-Нотр-Дам немцы отбили сравнительно легко, подбив 18 английских машин (11 из них – прямыми попаданиями снарядов). На улицах селения танки поражались связками ручных гранат и огнем с верхних этажей зданий. По результатам этого боя уже тогда был сделан вывод, что «борьба в населенных пунктах менее всего благоприятна для танков».

Срочно подтянув к участку прорыва резервы, немцы остановили англичан, а 30 ноября начали контрнаступление. Танковый корпус был измотан, его машины сильно изношены. Во время атаки 21 ноября из имевшихся ранее 387 танков в бою принимали участие только 49, 23 ноября – 67. С 27 ноября танки оттягивались в район погрузки для отправки в тыл, и во время немецкой контратаки 1 декабря в бою принимали участие только 73 машины. Совместно с пехотой вели бой только отдельные взводы, в лучшем случае, отдельные роты танков. Причем эта пехота была совершенно неподготовлена к взаимодействию с ними. В итоге к 6 декабря немцы на всем 30-км фронте оттеснили англичан на 2–4 км, но не смогли окружить их и полностью вернуть утраченные позиции.

Операция у Камбрэ в целом закончилась неудачей для англичан, но при этом оказалась бесценной для военного искусства. В этом сражении танки впервые проявили себя как новый полноценный род войск. Успех первого дня операции – собственно прорыва немецкой обороны – был обеспечен не столько массовым применением танков, сколько их тщательно спланированным взаимодействием с другими родами войск, в первую очередь – с пехотой и артиллерией. Операция показала, что хорошо подготовленное грамотное применение танков позво-

ляет быстро и с минимальными потерями сил и средств прорвать укрепленный фронт. Вместе с тем по ее итогам стало возможным сделать вывод, что тактический прорыв сам по себе еще не обеспечивает успеха. Это обстоятельство подчеркнул в своей книге «Внимание, танки» и Гейнц Гудериан: «...успех был бы еще значительнее, если бы танковая атака обладала большей глубиной, если бы в наличии имелись мобильные и эффективные резервы, и если бы вместо того, чтобы довольствоваться захватом передовой позиции немцев, англичане стремились бы с самого начала нанести удар на всю глубину оборонительной системы, за один раз уничтожив артиллерию, резервы и штабы, и если бы, наконец, военно-воздушные силы оказали широкую тактическую поддержку».

Нет никакой необходимости подробно описывать все танковые бои и сражения Первой мировой войны. Их ход был довольно однообразным и в основном сводился к попытке прорыва германского фронта (для чего, в общем-то, танки и создавались). При этом, подчас, из сражения в сражение повторялись одни и те же ошибки. Показательным в этом отношении является бой у Суассона. Здесь 18 июля 1918 года на участке фронта протяженностью 15 км французское командование ввело в бой 213 танков.

Вот как эти события выглядят в описании Людвига фон Эймансбергера:

«Вечером 17 августа над лесом Рец пронеслась гроза с сильным ливнем. На рассвете 18 августа земля дымилась, образовался сильный наземный туман.»

В 5. 35 французская артиллерия открывает внезапный огонь; на ошеломленные немецкие войска двигаются массы танков, сопровождаемые пехотой. Вскоре они достигают главных позиций; пехота обороняется оружием, которое ничего не может сделать с танками. Вскоре в контратаку бросаются резервы, затем батальоны поддержки, но все это безуспешно. Танки продвигаются в тумане все дальше и дальше, тут и там возникают ожесточенные, но короткие схватки. В результате около 7. 30 позиции пехоты южнее р. Эн разгромлены.

В густом тумане немецкая артиллерия пытается помочь делу заградительным огнем, но переход от дальнего заградительного огня к ближнему производится слишком поздно. Понемногу туман рассеивается, и батареи обороняются от атакующих их со всех сторон танков до тех пор, пока танки не берут их в плен.

Кое-где на подходящих участках местности еще сражаются тыловые части пехоты, но когда к 10 часам утра видимость настолько проясняется, что может быть произведена воздушная разведка, французские летчики доносят командующему 10-й армией, что наступление дошло почти до Мисси-о-Буа, Шоден, подходит к Вьерзи и Виллер-Элон.

Начиная с 2 км южнее р. Эн до Лонгион, немецкий фронт вообще исчез; с позиций отходят не войсковые части, а их разбитые остатки. Держалась только 115-я дивизия, и то только до полудня, потому что против нее танки не наступали.

Катастрофа германской армии казалась неотвратимой. На поле сражения бросаются ударные дивизии, сначала для того, чтобы контрударами несколько выравнять положение, позднее, около 8. 45, для того, чтобы своевременно занять тыловую позицию и уже оттуда отражать натиск французов, – задача, которая с самого начала должна казаться безнадежной.

Но, примерно, к 12 часам наступление французов приостанавливается. Возможно, что кончилась досягаемость подвижного заградительного огня, и продолжение атаки без предварительного подтягивания артиллерии казалось слишком рискованным. Во всяком случае, дело было не в недостатке резервов. В распоряжении французов имелись еще и танки и пехота.

Где причины, что наступление остановилось как заколдованное?

В середине дня наступил многочасовой перерыв боя, правда, не одновременно на всем фронте. Немцы имели возможность кое-как привести в порядок свои соединения, установить связь между отдельными группами и восстановить хотя бы кое-где свои резервы.

Во второй половине дня бой кое-где опять возобновляется, но это уже не сражение, это – ряд небольших, независимых друг от друга отдельных стычек, примерно в пределах дивизии, которые все время возобновляются и приводят к ожесточенной борьбе, которая, например, на южном фланге 10-й французской армии, продолжалась до ночи.

Французский танк «Шнейдер», 1916 год

Как и во всех боях Западного фронта, наготове имелась конница, предназначавшаяся для преследования противника.

10-й армии был придан французский кавалерийский корпус, три кавалерийские дивизии которого находились в двух группах за лесом Рец и севернее в 20 км за линией фронта. Кавалерии была придана моторизованная пехота, усиленная саперами, всего 6 батальонов. Командование намеревалось после прорыва германских позиций продвинуть конную массу широким фронтом между Вьерзи и Шоденом, в глубокий тыл противника.

Во время сражения 18 июля ген. Манжен отдал приказ о выступлении кавалерии уже в 8. 30 утра, но вследствие отсутствия в густом лесу достаточной сети дорог и сильного загромождения всех дорог в прифронтовой полосе кавалерия дошла до старого французского фронта лишь к 3 часам дня. Еще в течение 1 часа расстояние до боевых линий допускало переход фронта.

Но немцы вели пулеметный огонь, что следовало предвидеть заранее, конница была принуждена спешиться, и все предприятие закончилось схватками нескольких спешившихся эскадронов севернее и южнее Вьерзи.

День 18 июля 1918 г. окончился. Хотя он и сложился неудачно для германской армии на участке между реками Эн и Марной, где фронт протяжением до 50 км был местами прорван, местами вдавлен, все же самое страшное было предотвращено тем, что ударными дивизиями другим резервам удалось остановить французскую атаку на тыловых позициях».

Итак, мы видим уже отработанную схему атаки – внезапное наступление за огневым валом. Это, пожалуй, единственное, что неплохо удавалось и англичанам, и французам. Результат атаки налицо – фронт неприятеля прорван. Однако, атака при Суассоне впервые выдвинула новую проблему: каким образом продолжать наступление, когда оно доходит до границ сферы поражения огневого вала. Другими словами, что делать, когда атакующие танки выходят из

зоны прикрытия огнем своей артиллерии? До появления танков такого вопроса не существовало, так как атака пехоты никогда за пределы этой зоны не выходила.

Пойти на продолжение наступления без артиллерии в тогдашнем понимании было слишком рискованно. Перемена же позиций полевых батарей ближе к передовой означала их перемещение в среднем на 5 км. Если отдельные батареи при благоприятных условиях и могли быть перемещены и приведены в боевую готовность за час времени, то для всей артиллерии для этого требовалось не менее 2 часов. И это при очень благоприятных условиях и без учета снабжения орудий боеприпасами сверх боекомплекта, возимого при батареях.

Совершенно очевидно, что подобное многочасовое ожидание своей артиллерии ставило под угрозу все достигнутые успехи, поскольку немцы не стали бы дожидаться, когда их добьют, а использовали бы передышку для укрепления своей обороны и подтягивания резервов. Что и имело место при Суассоне.

Можно ли было избежать перерыва в ходе операции, который помимо всего прочего еще и разбил единое взаимосвязанное и взаимоувязанное сражение на ряд отдельных небольших стычек, разобщенных во времени и пространстве? Да, можно, но только одним способом – заменой артиллерии танками и немедленным продолжением атаки, но на это французское командование не пошло. А между тем французские танковые войска даже именовались «артиллерией специального назначения», а сами танки – «артиллерийскими тракторами».

Трудно сказать, каковы были бы результаты подобного решения для исхода сражения. Рассуждая теоретически, французы должны были бы добиться дальнейших успехов уже к середине дня. Но были бы эти успехи решающими, смогли бы французы полностью опрокинуть вторую и последнюю линии обороны немцев и смогла бы французская конница отрезать все пути снабжения для трех находившихся на позициях армий – неизвестно. Столь же вероятным мог быть и контрудар немцев с фланга силами, вновь прибывшими с севера через Суассон. Одно можно утверждать точно – игра стоила свеч!

В сражении у Суассона, как и при Камбрэ, первоначальный успех должна была использовать конница. В обоих случаях планировалось ввести в дело кавалерийский корпус, и в обоих случаях до этого дело не дошло. Совершенно очевидно одно: если кавалерия используется на поле боя лишь в качестве спешенных стрелков, то есть если лошадь является только транспортным средством, то эффект от такого участия ничтожен. Моторизованная пехота может обеспечить тот же эффект значительно меньшими силами, не забывая при этом, как конница, все прифронтовые дороги.

Французский танк «Сен-Шамон», 1916 год

Словом, танковое сражение при Суассоне, как и при Камбрэ, показало, как можно быстро прорваться массами танков через позиции противника, но не показало, как использовать и закрепить успех.

Ничего нового в этом отношении не добавило и крупнейшее танковое сражение Первой мировой войны – сражение при Амьене. Наступление это проводилось союзниками с задачей срезать Амьенский выступ германского фронта.

Главный удар по позициям 2-й германской армии (семь пехотных дивизий при 840 орудиях) наносила 4-я английская армия (11 пехотных и три кавалерийские дивизии, 2000 орудий, 400 самолетов, 580 танков), наступающая на фронте 18 км. Южнее на фронте 10 км наступал 31-й корпус 1-й французской армии с 96 танками «Рено» FT17.

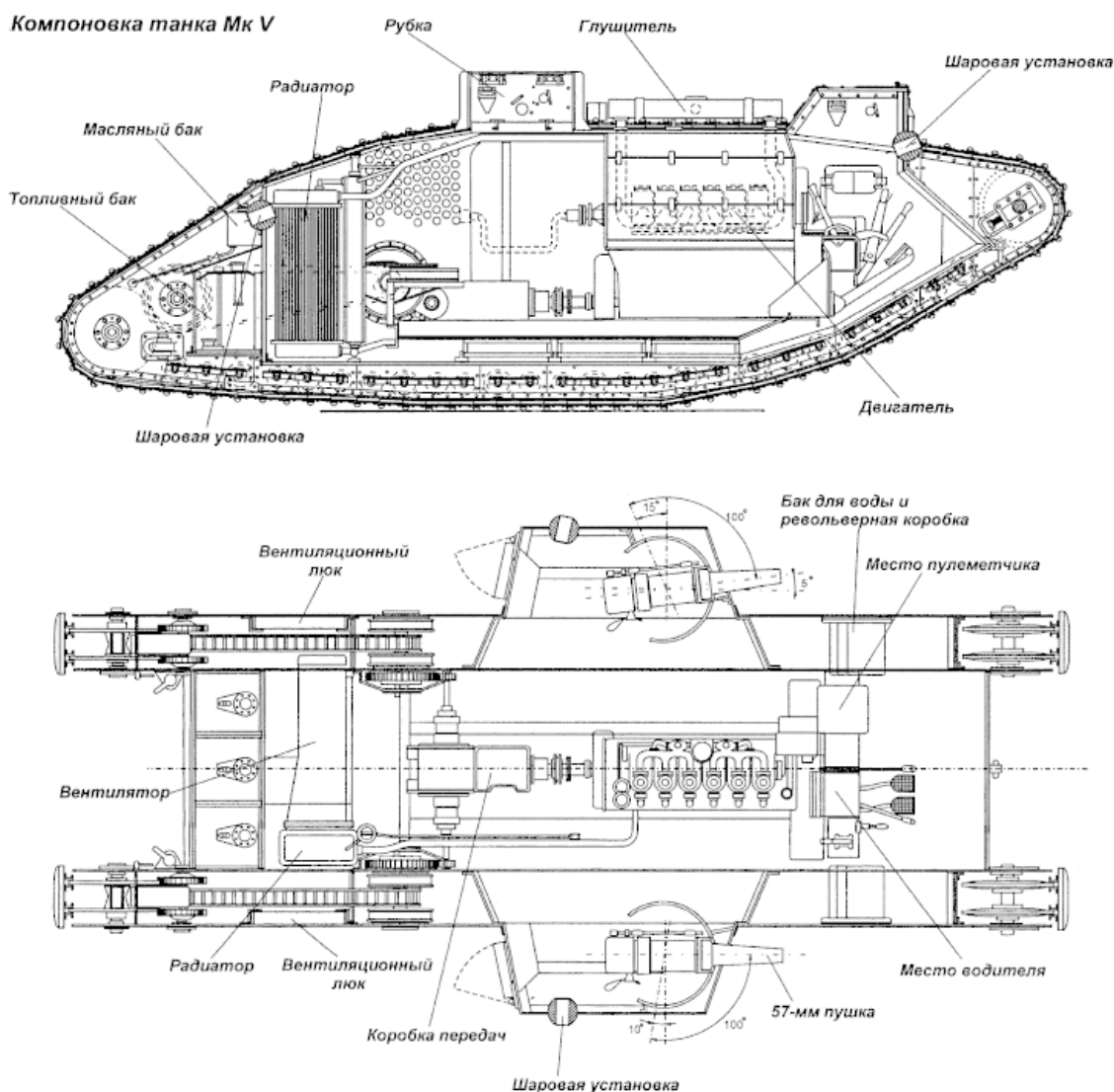
По железным дорогам с 31 июля по 5 августа в район наступления стянули весь Танковый корпус, кроме 1-й бригады, еще не укомплектованной танками. Всего – 11 танковых батальонов. Два батальона имели по 36 тяжелых танков Mk V*, семь – по 42 Mk V, два – по 48 средних Mk A «Уиппет». Один батальон оставили в резерве. 2-ю бригаду расформировали, придав ее батальоны 4-й и 5-й бригадам.

Всего для наступления предназначалось 324 тяжелых и 96 средних танков, 42 танка технического резерва, пять рот снабжения (96 машин) и транспортеров орудий (22 единицы). 74% танков англичане сосредоточили на 10% протяженности фронта наступления. Средняя плотность составляла 22, 6 танка на 1 км фронта, на один атакующий пехотный батальон приходилось пять боевых машин.

Наступление планировалось самым тщательным образом. В ночь с 6 на 7 августа 1918 года танковый корпус сосредоточился в 3 км позади линии фронта и в ночь с 7 на 8 августа передвинулся на свой рубеж атаки, расположенный в одном километре от передовой. Исходя из того, как именно танки распределялись между наступающими дивизиями, можно установить, что австралийскому и канадскому корпусам отводились основные роли. Однако распределение танков внутри дивизий показывает, что точно так же, как это произошло под Камбрэ и Суассоном, танки опять были тесно привязаны к цепям наступающей пехоты; два самых современных и быстроходных батальона, укомплектованные танками «Уиппет», были приданы в подчине-

ние кавалерийскому корпусу, который был развернут между Каши и Амьеном, чтобы развить успех и завершить прорыв. Атака была назначена на 5. 00, и часть артиллерии должна была стрелять дымовыми и фугасными снарядами, образуя ползущий огненный вал перед наступающей пехотой и танками, а другая часть должна была подавить немецкие батареи и вести огонь по другим дальним целям. Подобным же образом в план атаки были включены 500 самолетов либо для осуществления корректировки огня и боевой разведки, либо для атаки на тыловые объекты.

Первые цели находились на расстоянии от полутора до трех километров от первой линии немецкой обороны, и они должны были быть достигнуты к 7. 20, но немецкие батареи, противостоявшие английскому 3-му корпусу, оставались полностью за пределами этих исходных объектов – атака австралийцев должна была достичь только самых передовых немецких батарей. Канадцы должны были продвинуться значительно дальше, взяв в кольцо большую часть немецких артиллерийских позиций в своем секторе, но на участке фронта французов опять только несколько батарей оказывались под ударом. Пока большинство немецких батарей оставались невредимыми, продвижение английского 3-го корпуса к северу от Соммы должно было задержаться на час, а удар южнее реки – на два часа, чтобы дать возможность подойти резервам, которые продолжают атаку, а артиллерии дать время на смену позиций. После перерыва – как уже было сказано, английские части при этом оставались под дулами немецких орудий! – огневой вал останавливался, и артиллерия должна была поддерживать атаку согласно правилам ведения маневренных боевых действий.

Компоновка танка Mk IV

Второй ряд объектов наступления захватывал немецкие батареи по всей ширине 30 км фронта наступления, тогда как третий ряд пролегал в непосредственной близости от мест расположения немецких резервных дивизий, несмотря на то что их дислокация наверняка была известна союзникам. Возобновившись в 9. 20, атака должна была в дальнейшем продолжаться без пауз. Предполагалось, что именно в этот момент кавалерийский корпус силами одной дивизии продвинется к северу, а другой – к югу от Люса, затем догонит пехоту, продолжит движение к третьему объекту наступления, удержит его до того, как подойдет пехота, и наконец быстро двинется к последнему объекту – железной дороге, связывающей Шольне и Руа.

Приготовления к сражению англичане произвели в очень короткий срок. переброска танковых частей по железной дороге началась 31 июля, а 5 августа она уже закончилась. В ночь на 1 августа транспортные танки начинают подготавливать передовые склады боеприпасов и горючего.

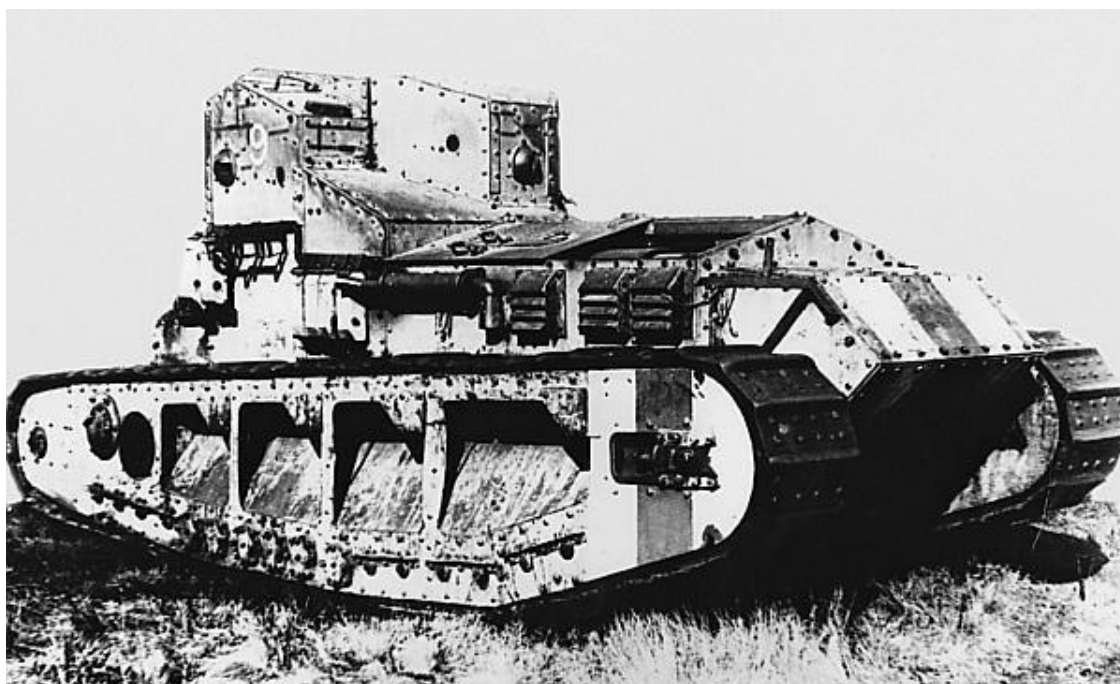
Развертывание артиллерии производилось в последние три ночи перед наступлением. Войска, находившиеся на позициях, до вечера 6 августа ничего не знали о предстоящем сражении. Такая секретность себя полностью оправдала, так как утром 6 августа части 27-й германской дивизии произвели атаку и захватили около 200 пленных из 18 и 58-й английских дивизий, но о предстоящем наступлении немцы не узнали ничего!

По этому поводу спустя 15 лет Гейнц Гудериан с горечью написал: *«В третий раз немцам навязали сражение по образцу Камбрэ, и в третий раз они дали захватить себя врасплох. Противник развернул войска под покровом ночи, непосредственно перед иттурмом, передвигаясь в строжайшей тишине и тщательно соблюдая меры предосторожности. Отвлекающие автоколонны, активность транспорта – все служило для того, чтобы скрыть места сосредоточения определенных частей, а именно канадского корпуса (про который было известно, что он предназначен для участия в наступательных действиях) и танкового корпуса».*

8 августа в 5. 20 после короткой артподготовки танки и пехота, воспользовавшись туманом, начали атаку германских позиций на фронте 17,6 км. Первая волна танков шла в 200 м позади огневого вала. Весьма удачным было их взаимодействие с австралийской и канадской пехотой. Пройдя через вражеские окопы, боевые машины не раз разворачивались и возвращались к своей пехоте, чтобы подавить оживающие огневые точки. Германские передовые позиции были захвачены быстро и с минимальными потерями. Затем последовала запланированная пауза для подтягивания артиллерии. Немцы за это время успели организовать противотанковую оборону. После возобновления наступления в 9.20, когда утренний туман рассеялся, танки понесли большие потери от артиллерийского огня. Из 415 введенных в бой машин за день были потеряны 100 (24%), причем около половины – в результате прямых попаданий снарядов.

Тем не менее между 11.00 и 12.00 два корпуса, австралийский и канадский, сумели прорваться через германские позиции и захватить почти всю немецкую артиллерию. Выдвинувшиеся из резерва несколько немецких пехотных батальонов остановить их, естественно, не могли. По свидетельству участников сражения, немецкая оборона была так слаба, что в некоторых местах противник мог пройти через нее походной колонной. Дело оставалось за малым – завершить прорыв.

Как и в предшествовавших сражениях, английское командование считало кавалерию наиболее подходящим средством для этой цели. Как уже упоминалось, дабы повысить ударную мощь кавалерийского корпуса, ему придали два батальона новейших средних танков Mk A «Уиппет», которые могли развивать скорость до 12,8 км/ч, то есть вдвое большую, чем тяжелые Mk V.

Средний танк Mk A «Уиппет»

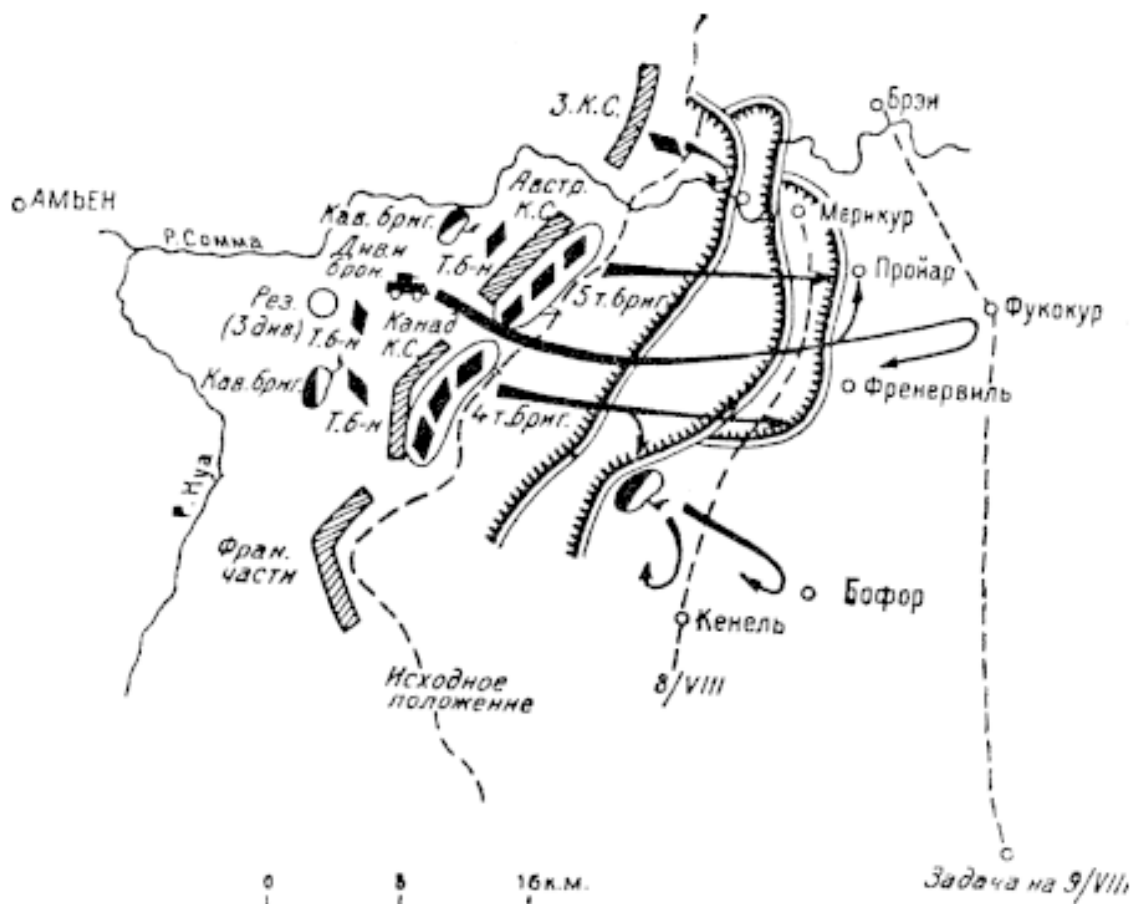
Кавалерийский корпус разделили на две части. 1-я кавалерийская дивизия англичан получила приказ как можно быстрее догнать пехоту к северу от Люса, тогда как 3-я кавалерийская дивизия должна была сделать то же самое южнее реки. За ними во второй линии следовала 2-я кавалерийская дивизия англичан. Батальоны танков «Уиппет» двигались впереди дивизий первой линии, чтобы прикрыть всадников и проложить проходы через заграждения из колючей проволоки. К 10.15 дивизии первой линии достигли рубежа Игнокур – Марселькав и развернулись для выполнения своих задач. За каждой бригадой, состоящей из трех кавалерийских полков и одной батареи на конной тяге, были закреплены шестнадцать танков.

1-я кавалерийская бригада прорвалась дальше всех, остановившись перед Фрамервилем и Вовилье. Остальные так и не дошли до рубежа, с которого должно было начаться выполнение их основной задачи – прорыв к железной дороге, связывающей Шольне и Руа. Не будет преувеличением сказать, что кавалерия не смогла бы продвинуться так далеко без танкового прикрытия. Попытка осуществить кавалерийскую атаку большими силами неизбежно захлебывалась в считанные минуты, приводя к большим потерям, о чем свидетельствуют действия 6-й кавалерийской бригады юго-восточнее Кейо или канадской кавалерийской бригады под Бокур-ром. И это при условии отсутствия здесь сплошного фронта обороны! Всего двух с половиной рот немецких саперов оказалось достаточным для того, чтобы остановить продвижение 3-й кавалерийской дивизии, и они отступили только тогда, когда танки пошли в атаку и оттеснили их назад, к северу от Бофора. Сюда смогли добраться всего несколько кавалерийских подразделений, и здесь бой завершился. Вторая линия кавалерии в бой введена так и не была.

Позже, анализируя действия кавалерии при Амьене, Г. Гудериан отметил: *«К полудню 8 августа, несмотря на все задержки и промедления, англичане, можно сказать, стояли перед открытой дверью. И опять кавалерия показала полную свою непригодность в условиях современного поля боя, точно так же, как под Камбрэ и Суассоном. Хотя фон Шлиффен еще в 1909 году признал этот факт и неопровержимо доказал его в своей статье, до сих пор некоторые пытаются аргументировать противоположное, призывая восстановить кавалерийские армии, то есть фактически нагромоздить на поле боя огромное количество людей и лошадей, от которых не будет никакого толку. В сражениях будущего они ничего не добьются. Мы должны рассчитывать на умножение числа пулеметов, производство танков и самолетов и возможное применение химического оружия. Кавалерия нынче имеет лишь незначительное преимущество в скорости перед пехотой, особенно если мы проведем сравнение с моторизованными войсками. В последние годы усовершенствованные внедорожные машины, особенно гусеничные, фактически сравнялись или даже превзошли по маневренности многократно расхваленные конные войска на труднопроходимой местности. Во всех других отношениях кавалерия откровенно проигрывает. Вплоть до самого 8 августа сэр Дуглас Хейг тщательно оберегал свои 27 кавалерийских полков. Да, конечно, стремительно несущиеся всадники олицетворяют сам дух наступления, но эти их качества проявились бы несравненно лучше, если бы кавалерия перевоплотилась на поле боя в танковые эскадроны. А так они были попусту растрачены в бесплодных атаках. «В течение буквально нескольких минут конная атака захлебнулась, напоравшись на наш огонь, который был необычайно яростным, особенно огонь наших тяжелых и легких пулеметов. Никогда не забуду это зрелище – вот кавалерия несется вперед и в следующее мгновение превращается в беспорядочную груды лошадей, барахтающихся в собственной крови, дергая перебитыми конечностями, или галопом пролетающих через позиции нашей пехоты, лишившись всадников» (Schlachten des Weltkrieges, XXXVI, 186).*

Заключение фон Шлиффена равно обоснованно и в других отношениях. Конное войско представляет собой огромную уязвимую мишень, всадники просто до ужаса беспомощны. Дальше может стать только хуже. Все говорит за то, что танки будут продолжать развиваться впечатляющими темпами, тогда как невозможно хоть сколько-нибудь усовершенствовать лошадь. Другими словами, разрыв между двумя этимиродами войск не только не

уменьшится, но будет постоянно увеличиваться, и любая попытка привязать друг к другу неравноценных партнеров только поставит в невыгодное положение танки, а следовательно, и армию в целом».

С выводами крупнейшего немецкого танкового теоретика (а впоследствии и практика) трудно не согласиться.

Итак, английской кавалерии нигде не удалось прорвать слабый германский фронт и выйти на оперативный простор.

В немецких описаниях британских кавалерийских атак особо подчеркивается роль средних танков «Уиппет». По мнению немцев, если бы они были уничтожены, то атаки кавалерии были бы отбиты еще до того, как подошли тяжелые английские танки и пехота.

По мнению же личного состава батальонов средних танков, никакого взаимодействия с кавалерией вообще не получилось. Танки и конница скорее мешали друг другу, чем помогали. По замыслу наступления танки должны были развернуться перед конницей, но скорость их оказалась недостаточной – эскадроны, шедшие галопом, быстро их обогнали. При столкновениях же с противником танки, наоборот, быстро отрывались от кавалерии и были вынуждены вести бой самостоятельно.

Необходимо упомянуть еще об одном эпизоде этого боя, а именно о применении 17-го батальона бронеавтомобилей. Бездорожье и траншеи бронеавтомобили «Остин» преодолели на буксире у танков снабжения. 12 броневинов обогнали австралийскую пехоту еще в первой половине дня, после чего в течение нескольких часов они объезжали фронт от Соммы на севере до Фрамервиля на юге и Фукокура на востоке, обстреливали германские штабы, отходившие в тыл войсковые части и машины – словом, увеличивали замешательство и панику. Но так как создаваемая паника не была использована английскими войсками, то действия батальона бро-

неавтомобилей можно рассматривать только как частный успех, совершенно не повлиявший на развитие событий.

К вечеру 8 августа на фронте в 10 км немцев оттеснили на глубину до 15 км, захватили 7 тыс. пленных и около 100 орудий. Повторение атаки 9 августа стоило потери 39 танков из 145. Атака началась при дневном свете без огневого вала и дымовой завесы. Преодолевая старые заросшие окопы, некоторые танки сбились с направления, пехоту, плохо обученную взаимодействию с танками, почти сразу же отсекали пулеметным огнем. 13 августа наступление остановилось.

Битва при Амьене не внесла ничего нового в тактику танковых войск. Это был еще один полный успех, достигнутый по тактическим установкам Камбрэ. Достойны уважения смелость британского командования, отказавшегося от артподготовки в пользу внезапности удара, и тщательные меры маскировки накануне сражения. Однако время и место завершения первой фазы атаки вызывают вопросы. Действительно, при Суассоне французам удалось продолжить танковую атаку до полного занятия первой германской позиции, включая захват района расположения немецкой артиллерии. После этого была сделана пауза для подтягивания артиллерии, но она в итоге стала концом общего наступления.

При Амьене англичане попытались решить этот вопрос по-иному и продолжили наступление после паузы, но уже не под защитой огневого вала. При этом, правда, перерыв в наступлении англичане произвели после продвижения на 3 км, не дойдя до позиций германской артиллерии, и после его возобновления попали под огонь немецких батарей. Между тем ничего не мешало англичанам назначить рубеж остановки после продвижения на 5 км. С одной стороны, это не создавало никаких трудностей для британской артиллерии в решении вопроса поддержки своих войск с первоначальных огневых позиций, а с другой – обеспечивало захват всех немецких артиллерийских позиций и продолжение наступления после паузы без каких-либо серьезных помех. Однако британское командование рассудило по-другому. Почему? Да потому, что «серьезными» родами войск по-прежнему считались пехота, кавалерия и артиллерия. Танки же рассматривались только как средство, необходимое для продвижения вперед пехоты. Самостоятельные задачи ни в этом, ни в других сражениях Первой мировой войны перед танками не ставились. Как говорится, есть мнение, что и не могли быть поставлены. Так ли это?

Танкист-пулеметчик в комбинезоне, самодельном кожаном противоударном шлеме и кольчужной маске

При соответствующей постановке, осмыслении, детализации задачи – могли. В сражении при Амьене уже можно увидеть зачатки создания системы бронетанкового вооружения: танки прорыва, танки снабжения, танки-транспортёры орудий и т. д. Но это лишь для цели прорыва вражеского фронта, а дальше? Дальше предполагалось использовать танки совместно с кавалерией. И неудачно! Именно появление танков на полях сражений Первой мировой войны наглядно продемонстрировало, что нет на этих же полях ничего более беспомощного, чем кавалерия. Выстраивается следующая схема: тяжелые танки прорывают фронт на всю глу-

бину, за ними следуют танки-транспортёры с боеприпасами и топливом для дальнейшего развития атаки, танки-транспортёры орудий и танки-тягачи подтягивают на новые позиции артиллерию – можно двигаться дальше. Сплошной обороны противника нет, можно выходить за ставшие уже стандартными 10–15 км прорыва. Но, увы, нельзя! В этой схеме отсутствует одна деталь – нет пехотного прикрытия. Без сопровождения пехоты танк слишком уязвим как в годы Первой мировой войны, так и сейчас. Для обеспечения прорыва на большую глубину не хватало только танков-транспортёров пехоты. Первые шаги в этом направлении были сделаны как раз при Амьене: танки Mk V доставляли пулеметные команды к последнему атакуемому рубежу. Правда, пулеметчики после пребывания в загазованных стальных коробках нуждались в отдыхе и сразу не могли вступить в бой. Но эта проблема, безусловно, была решаемой.

Танк-транспортёр пехоты Mk IX был создан в 1918 году. Чтобы освободить пространство внутри танка, его создатели отказались от спонсонов и основного вооружения, оставив только пулеметы в лобовом и кормовом листах корпуса. Двигатель сместили вперед и удлинili ходовую часть. Десантное отделение располагалось в средней части корпуса между двигателем и коробкой передач. Для посадки и высадки пехотинцев предназначались четыре двери в бортах корпуса. Имелись и лючки для стрельбы из винтовок, правда пользоваться ими в движении было не слишком удобно. Mk IX мог перевозить 50 солдат или 10 т груза! Во второй половине 1918 года были изготовлены 36 таких танков-транспортёров, но появились они слишком поздно – война закончилась.

Оперативные результаты сражения при Амьене были такими же, как при Камбрэ: массированная танковая атака пробила брешь в неприятельском фронте, но англичане либо совсем не продолжили атаку, либо попытались сделать это неподходящими средствами (конница). В результате немцы заткнули брешь, и успех союзников, как и раньше, ограничился только вдавливанием фронта, которое все же освободило железнодорожную линию Амьен – Париж от обстрела немецкой артиллерии.

Подводя итоги применения танков в сражениях Первой мировой войны необходимо остановиться на эпизодах боевых столкновений танков с танками, пусть и немногочисленных. В них германская сторона использовала как трофейные английские машины (в основном Mk IV), так и танки собственного производства – A7V. До сентября 1918 года было собрано всего 20 таких машин. Вместе с примерно 100 трофейных Mk IV, захваченных в основном при Камбрэ, они составили танковые войска кайзеровской Германии.

Несмотря на явный успех применения английских танков, немецкое командование продолжало относиться к ним с явным скептицизмом. Генерал-фельдмаршал Гинденбург, осмотревший в марте 1918 года в Шарлеруа первые 10 машин, высказался весьма скептически: «Вероятно, они не принесут большой пользы, но так как они уже сделаны, то мы попробуем их применить». В предстоящем наступлении германское командование основной упор делало на внезапность атаки, наступательный порыв пехоты, использование автоматического оружия, огневую мощь артиллерии (количество тяжелых орудий составляло 66% от количества легких) и тщательную организацию огня.

Была издана инструкция «Взаимодействие танков с пехотой», в которой между прочим отмечалось: «Пехота и танки продвигаются независимо друг от друга. При движении с танками пехота не должна подходить к ним ближе 200 шагов, так как по танкам будет открыт артиллерийский огонь». То есть, по сути, взаимодействие исключалось.

Французский легкий танк «Рено» FT17

Во время наступления в Пикардии 21 марта – 4 апреля 1918 года на фронте в 765 км немцы ввели в дело 59 дивизий при 6824 орудиях, 1000 самолетах и всего 19 танках (из них 9 – трофейных). Им противостояли 35 дивизий, около 3000 орудий, 500 самолетов и 216 танков союзников.

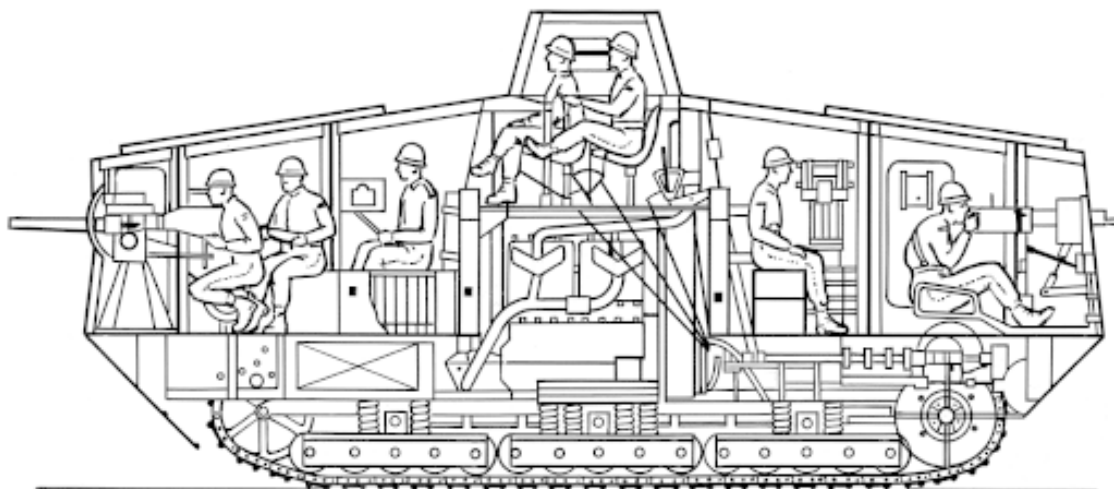
Боевое крещение германские танки получили 21 марта 1918 года у Сент-Кантена (примерно в 50 км от того места, где впервые участие в бою приняли английские танки), в полосе наступления 18-й германской армии. Четыре танка A7V и пять танков Mk IV вступили в бой утром. Из-за сильного тумана они часто теряли связь с пехотными подразделениями и действительно большей частью двигались независимо от пехоты. Mk IV не выполнили своих задач из-за недостатка бензина и повреждений от артиллерийского огня, у двух A7V выявились технические дефекты. Более-менее удачно действовали только танки A7V. Все это, а также слабый грунт на пути движения не позволили дать оценку эффективности применения германских танков в этом бою.

Любопытный факт – впечатление, произведенное ими в этот день на английских солдат, немногим уступает ужасу немецкой пехоты на Сомме в сентябре 1916-го. В одной из записей штаба 18-й германской армии говорилось: «Наши танки в огромной степени укрепляли дух пехоты даже тогда, когда они применялись в небольшом количестве; в то же время, как показал опыт, они производили большой деморализующий эффект на неприятельскую пехоту». И это несмотря на то, что к тому времени в британской армии вряд ли имелись солдаты, которые не знали, что такое танк. Многие видели их в деле и даже участвовали совместно с ними в бою. Однако одно дело – идти в атаку совместно со своими танками, и совсем другое – оказаться под ударом танков вражеских.

Наиболее широкую известность получил бой с участием A7V у деревни Виллер-Бретоне 24 апреля 1918 года. Здесь были задействованы все имевшиеся в наличии три штурмовых отделения этих танков – 13 машин. В соответствии с избранной тактикой танки были направлены на этот важный тактический пункт тремя группами: первая двигалась непосредственно на деревню, вторая – вдоль ее южной окраины, третья – на расположенную поблизости деревню

Каши. Танк № 506 «Мефисто» застрял на местности, но оставшиеся 12, очистив Виллер-Бретоне от англичан, продвинулись до Каши и до леса Аббе.

«Здесь в 9.30 три А7V 3-го иттурмового отделения встретились с вышедшими из леса тремя английскими Mk IV роты «А» 1-го танкового батальона. Так что первый в истории бой танков с танками носил характер встречного и для обеих сторон был внезапным. Англичане оказались в не самом выгодном положении: из трех машин две были пулеметными («самки»), а экипажи были измотаны длительным нахождением в противогазах – их позиции накануне обстреляли химическими снарядами. Таким образом, британцы на первый взгляд уступали немцам в огневой мощи, бронировании и работоспособности экипажей. Однако уже в этом столкновении сказались такие факторы, как маневренность танков, опыт и слаженность экипажей. Интересно, что бой проходил возле позиций английской пехоты и на виду у германской артиллерии, но они не приняли в нем участия. Немецкие артиллеристы опасались поразить своих, а английские пехотинцы попросту не имели каких-либо противотанковых средств. Хотя пулеметные Mk IV, получив большие пробоины, вынуждены были вскоре отойти в тыл, пушечный танк продолжал вести огонь. Немецкие машины остановились неудачно – бой фактически вел только один из них (№ 561 «Никсе»), стреляя с места из пушки и пулеметов, в том числе – бронебойными пулями. В отличие от немецких, английский танк постоянно маневрировал и, сделав несколько выстрелов с ходу, перешел к ведению огня с коротких остановок. После трех попаданий у А7V был поврежден масляный радиатор. Пользуясь тем, что «англичанину» разорвало гусеницу, он смог отойти на небольшое расстояние, после чего экипаж покинул его. Два других отошли. Это дало основание англичанам справедливо считать себя победителями в первой танковой схватке.

Компоновка агрегатов танка А7V и размещение членов экипажа

Часть танков второй группы остановилась у первой линии английских окопов за деревней и отошла назад. Вслед за этим английские танки с австралийской пехотой отбили Виллер-Бретоне. В тот же день восточнее Каши один А7V № 525 («Зигфрид») встретился с семью средними английскими Mk A «Уиннет» – эти боевые машины впервые вступили тогда в бой. Ведя огонь с места, вместе с артиллерией 4-й гвардейской дивизии, «Зигфрид» подбил один Mk A (еще три подбили артиллеристы) и повредил три. Германские иттурмовые отделения потеряли в тот день три машины – № 506 (был вытаскен австралийской пехотой 14 июня), № 542 и подбитый № 561. Довольно успешно действовали №№ 505 и 507. Бой у Виллер-Бретоне выявил еще одну возможность танка – использование его в качестве эффективного противотанкового средства. Однако большие в течение Первой мировой войны танки такой функции не выполняли».

Танки появились в середине Первой мировой войны. Нельзя сказать, что они решили ее исход, но оказали на ее результаты весьма существенное влияние. Во всяком случае 15 сентября 1918 года германское высшее командование сообщало кайзеру: «Не остается никаких сомнений в том, что противник будет продолжать свое наступление в течение всей осени. Благодаря притоку американских войск и массовому применению танков у них есть для этого необходимые средства. Со своей стороны мы будем продолжать сражаться, не для того, чтобы удержать территорию как таковую, но с целью дать противнику истощить свои силы, пока мы будем поддерживать боеспособность собственной армии».

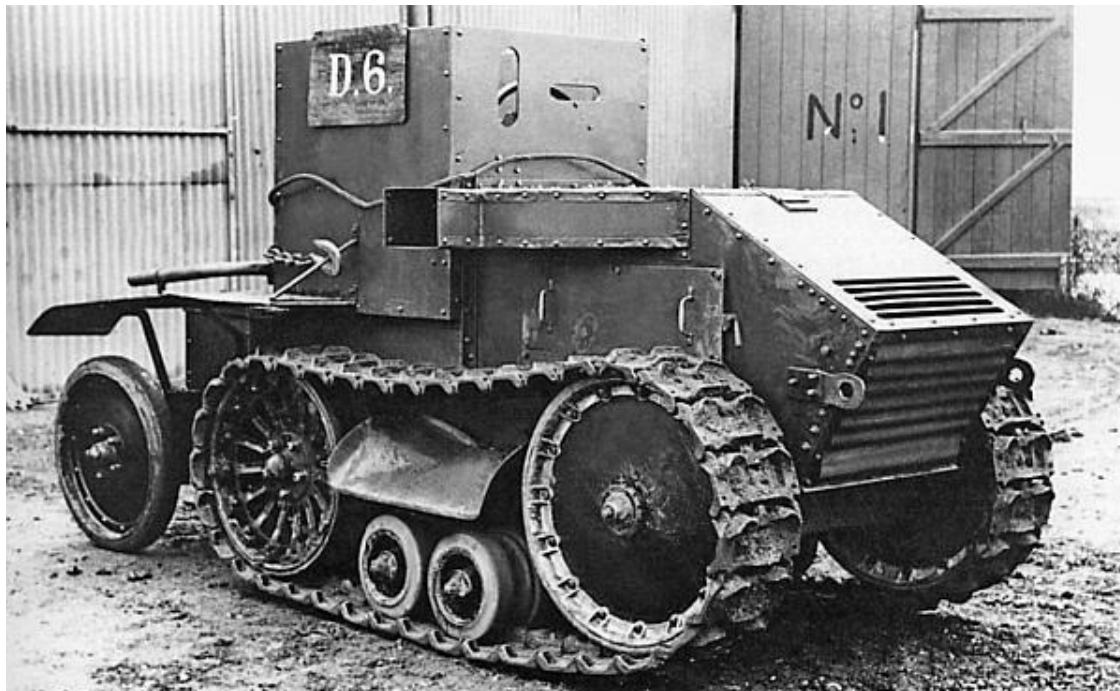
В целом же в ходе войны танки использовались исключительно для поддержки пехоты, играя роль тарана при прорыве вражеских позиций. Причем с этой задачей успешно справлялись как тяжелые английские, так и легкие французские танки. Несмотря на некоторую разницу в организационной структуре танковых войск, тактика их применения была практически одинаковой. Однако же конструкция легкого французского танка «Рено» FT17 оказалась значительно перспективнее конструкций английских боевых машин. Последние прекратили свое существование сразу после окончания войны – почти весь английский танковый парк был уничтожен. Что же касается 3177 танков «Рено», построенных ко времени заключения перемирия 11 ноября 1918 года, то большая их часть оставалась на вооружении французской армии вплоть до Второй мировой войны. Значительное количество танков этого типа поступило на вооружение армий многих стран мира. Благодаря своей универсальности, танки «Рено» привлекались к выполнению разнообразных боевых задач, расширяя спектр тактического использования танковых частей. Все это стало возможным по причине небольших размеров и массы, а главное – компоновке, ставшей классической.

Итак, на фронтах Первой мировой войны был найден выход из позиционного тупика, однако до превращения позиционной войны в войну маневренную, в полноценную танковую войну было еще далеко.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

В 1920-е годы танкостроение наиболее активно развивалось в трех странах – в Великобритании, Германии и Франции. При этом английские фирмы вели работы широким фронтом, активно их рекламируя и рассчитывая прежде всего, на возможные заграничные заказы – потребности собственной армии в танках были в то время весьма скромными. В Германии, которой Версальским мирным договором запрещалось иметь бронетанковую технику, разработки в этой области носили секретный характер и велись, главным образом, за пределами страны. Франция пошла третьим путем и, располагая самым большим танковым парком в мире, новых машин практически не создавала, ограничиваясь лишь экспериментами и попытками модернизации своих многочисленных легких танков «Рено» FT17.

Несмотря на то, что первый в мире танк был построен и испытан в Великобритании (распространенная в нашей стране версия о русском происхождении танка современными исследованиями опровергается), несмотря на то, что к концу Первой мировой войны англичане имели многочисленные и организационно оформленные танковые войска – Royal Armoured Corps (RAC) – Королевский танковый корпус, в последующие 20 лет английское танкостроение находилось почти на «точке замерзания». Причин тому было несколько. Прежде всего, в Великобритании затянулась дискуссия о роли и месте танков в современной войне. Неопределенность по этому вопросу у военных тормозила разработку соответствующих тактико-технических требований и выдачу заказов промышленности. Сыграла свою роль и географическая особенность государства – нападать англичане ни на кого не собирались, а реального противника в Европе у них долгое время не было.

Танкетка «Моррис-Мартель», 1926 год

Такое положение привело к тому, что за этот период времени в Британии построили всего несколько сот танков, конструкцию которых трудно назвать новаторской. Наиболее же интересные идеи их создателей либо воплотились в опытные и экспериментальные образцы, оставшиеся невостребованными, либо просто не нашли применения у себя на родине.

Танкетки «Карден-Лойд» Mk VI во дворе завода фирмы «Виккерс-Армстронг», 1927 год

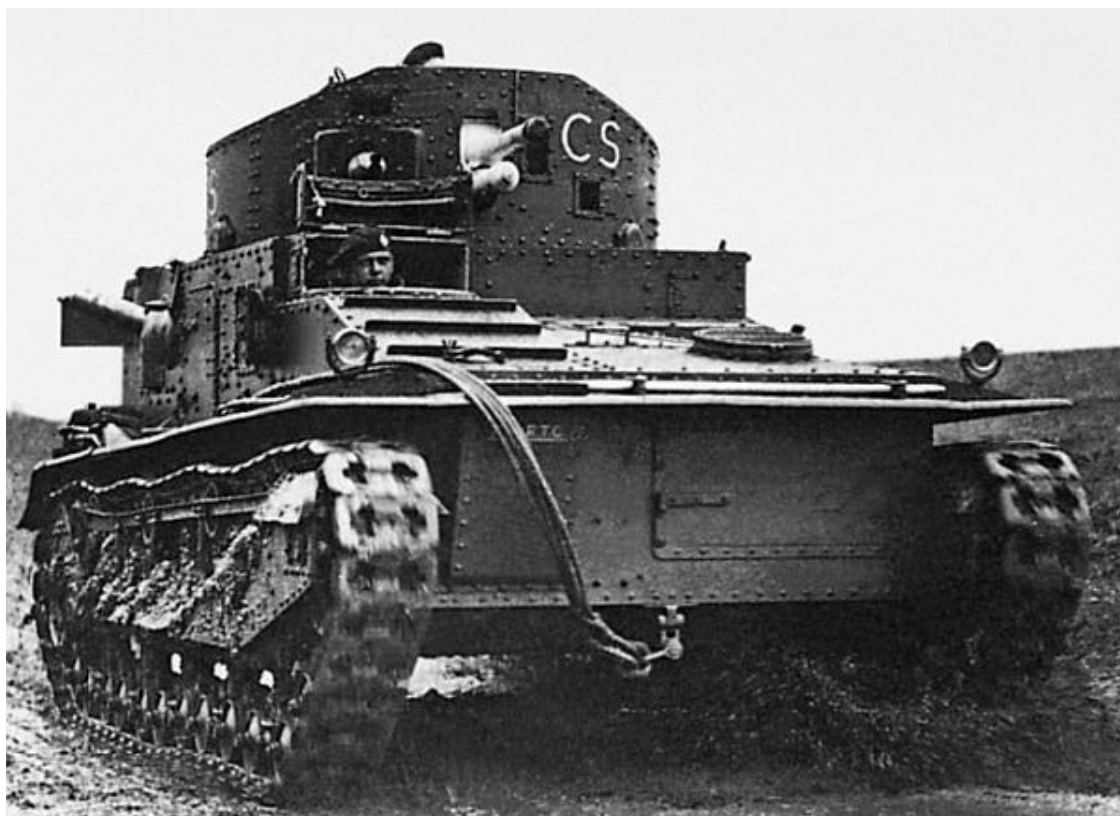
Что же касается развития теоретических взглядов, то в Великобритании активно дискутировалась теория так называемых малых механизированных армий.

Одним из первых авторов теории малых механизированных армий был английский генерал Фуллер, являвшийся в годы Первой мировой войны начальником штаба танкового корпуса. Фуллер написал ряд работ, в которых предлагал создать небольшую, полностью механизированную армию, при помощи которой, по его мнению, можно было бы добиться победы в войне против любого противника. Существовавшие в большинстве государств массовые армии Фуллер предлагал заменить двумя категориями вооруженных сил: танковой армией, которая предназначалась для ведения активных действий, и оккупационной армией, состоявшей из моторизованных дивизий и предназначенной для закрепления успеха танковой армии и несения полицейско-карательной службы в занятых районах.

По замыслу Фуллера танковая армия должна была состоять из двух тяжелых бронетанковых дивизий, двух легких бронетанковых дивизий, двух дивизий преследования и ряда обес-

печивающих и обслуживающих частей. Всего в такой армии предполагалось иметь 1900 танков, 64 орудия, 72 самолета и около 60 тыс. солдат и офицеров. Фуллер и его сторонники утверждали, что такая армия окажется способной решать судьбу сражения подобно коннице Александра Македонского и сможет предотвратить позиционную стабилизацию фронта, неизбежную при массовых малоподвижных армиях.

Слабым местом этой теории была попытка найти и применить новые формы и способы войны без учета вооруженной мощи, политических и моральных особенностей противника. Считая основным, главным родом войск танки, идеологи малых механизированных армий недооценивали роль и значение других родов войск – пехоты, артиллерии и авиации, низводя их до положения вспомогательных войск. В целом, фуллеровская теория была отвергнута британским военным руководством, но отдельные ее положения некоторое время находили отражение как в практике английского танкостроения, так и в уставах и наставлениях. Так, например, в уставе 1927 года о характере применения танков говорилось: «Взгляд, что броневые машины могут работать только в тесном взаимодействии с пехотой и конницей, устарел; бронемашин должны уметь использовать все выгодные положения, они должны быть введены в дело в надлежащем месте в надлежащее время, как этого требуют их особые боевые свойства».

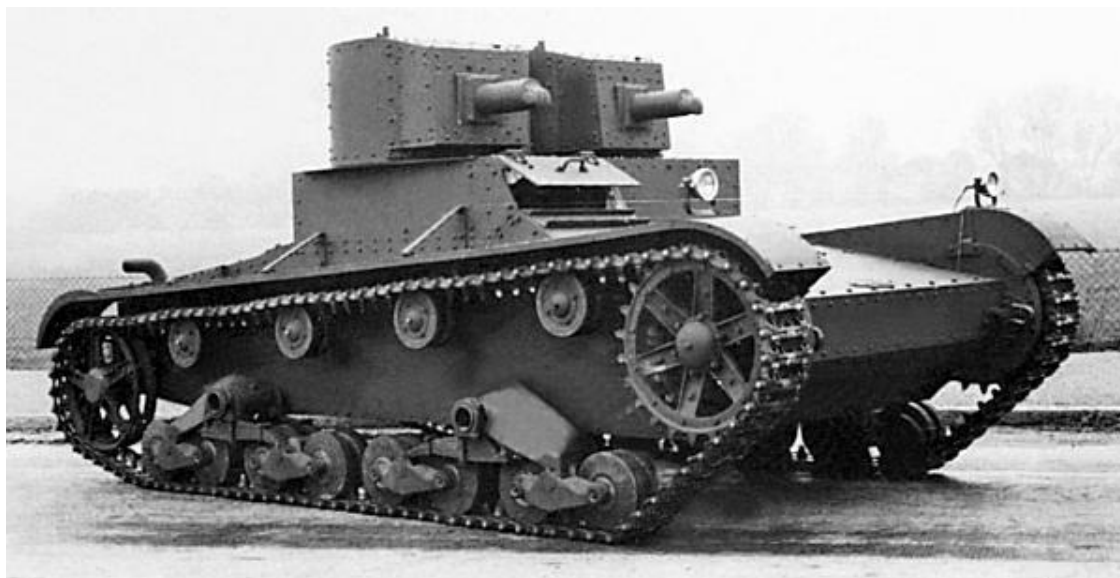

Средний танк «Виккерс» Mk IA, 1926 год

В соответствии с такой оценкой роли танков считалось необходимым создавать и определенные организационные формы. Однако новые бронетанковые формирования, по экономическим соображениям, англичане создавали лишь на период маневров. Поэтому, хотя английский устав 1927 года и признавал лишь самостоятельные действия танковых войск, организационно до 1935 – 1936 гг. все бронетанковые войска английской армии состояли лишь из четырех танковых батальонов, десяти рот броневигов и двух полков бронемашин, приданных кавалерии.

В 1935 году в английских взглядах на применение танков произошли существенные изменения. В новом полевом уставе получила признание необходимость сочетания самостоятельного использования танков с применением их в тесном взаимодействии с пехотой. В связи с этим кроме имевшихся танковых батальонов и рот броневигов намечалось создание танковых бригад для ведения маневренных операций, которые в военное время должны были входить в состав подвижных дивизий. Однако дальше обсуждения этих проектов дело и на этот раз не пошло. На маневрах английской армии в 1936–1937 гг. участвовали лишь единичные опытные соединения в виде механизированного отряда и механизированной бригады. Надо сказать, что на создание новых танковых формирований в английской армии большое влияние оказала практика организационного строительства бронетанковых войск Красной Армии. В этом отношении показательным является доклад английского специалиста в области механизации и моторизации армии полковника Мартеля.

Выступая на дискуссии по вопросам механизации, проводившейся в Англии в начале 1937 года, Мартель говорил: *«Существует немало командиров, считающих, что дни танков уже миновали и что противотанковое оружие в настоящее время достигло такого состояния, что оно сравнительно легко справится с танками. Если сторонники этого взгляда здесь присутствуют, то я должен просить их мысленно сопровождать меня на советских маневрах, на которых я имел счастливый случай присутствовать прошлой осенью. Несмотря на то, что общее число танков, применявшихся на этих маневрах, достигло внушительной цифры, в течение четырех дней маневров мы видели очень небольшое число машин, потерпевших аварию. Особого внимания заслуживает моральное впечатление, производимое таким большим количеством танков».*

Легкий танк «Виккерс» Mk E, 1930 год

Только быстро надвигавшаяся Вторая мировая война заставила англичан перейти к созданию крупных бронетанковых соединений.

К этому времени в основном определились и взгляды военного руководства на тактическое применение танков. В соответствии с ними в Англии танки разделили на три класса: легкие, пехотные и крейсерские. Причем позже сформировалась концепция именно крейсерских танков. На первых порах их функции должны были выполнять легкие боевые машины – скоростные и маневренные. Именно они поступали на вооружение кавалерийских полков британской армии (в Великобритании, как и во многих других странах, танковые части созда-

вались на основе кавалерийских, с сохранением названий, символики и даже парадной формы одежды). Главной же задачей пехотных танков стала непосредственная поддержка пехоты на поле боя. Эти машины имели ограниченную скорость и мощное бронирование. Порой доходило до абсурда: коробка передач пехотного танка «Матильда I», например, имела всего одну скорость – считалось, что этого вполне хватает.

В середине 1930-х годов англичане считали достаточным вооружать танки только пулеметами! Здравый смысл, правда, вскоре восторжествовал, и сначала на крейсерских, а затем и на пехотных машинах появилась 2-фунтовая пушка. Ее возможности, впрочем, были весьма ограниченны – в боекомплекте отсутствовали осколочно-фугасные снаряды.

Нельзя признать прогрессивными конструкцию и технологию сборки английских танков. Корпуса и башни (если последние не выполнялись цельнолитыми) собирались при помощи болтов на каркасах или бескаркасным методом («Валентайн»). Сварка применялась крайне ограниченно. Броневые листы, как правило, располагались вертикально, без каких-либо углов наклона. Отставали от реальных потребностей и темпы танкового производства накануне и во время Второй мировой войны. Например, к декабрю 1938 года промышленность должна была поставить армии более 600 крейсерских и около 370 пехотных танков. Однако первых выпустили всего 30, а вторых – 60. Год спустя в армию поступило только 314 танков всех типов. В результате Британия вступила в войну, имея немногим более 600 танков, из которых более половины – легкие.

Средний танк «Виккерс» Mk III. 1934 год

В канун войны британские танковые войска имели в своем составе всего четыре кавалерийских механизированных полка, армейскую танковую бригаду и одну бронетанковую дивизию. Остальные танки были организационно сведены в отдельные армейские и смешанные танковые батальоны и кавалерийские танковые полки и предназначались для совместных действий с пехотой и кавалерией.

Ну а что же во Франции? Как и Великобритания Первую мировую войну Франция закончила на положении триумфатора. Германия была повержена. Французы, вынесшие основную тяжесть борьбы на Западном фронте, полностью ликвидировали немецкую армию и оккупиро-

вали часть немецкой территории. Эльзас и Лотарингия, африканские колонии – все, что принадлежало Германии, стало достоянием победителей.

Приоритет же британцев в создании танка французы постарались компенсировать количеством и к окончанию войны имели самый многочисленный танковый парк в мире. Вместе с тем развившийся на почве колоссальных людских потерь всенародный пацифизм и годы позиционной войны самым существенным образом повлияли на формирование послевоенной французской военной доктрины.

Крейсерский танк Mk ICS. Эта машина относится к танкам огневой поддержки и вооружена 3,7-дюймовой гаубицей вместо стандартной 2-фунтовой пушки. 1937 год

Исходя из предположения, что темп наступления в возможной будущей войне не превысит 8–12 км в сутки, французские генералы планировали серьезно ослабить противника в приграничных боях, а затем нанести ему решительный ответный удар. По-прежнему отводя основную роль пехоте, оснащенной самыми современными артиллерийскими системами, эта доктрина оставляла танкам вспомогательную роль. Сведенные в батальоны и полки, они должны были поддерживать большие отряды пехоты при прорыве линии фронта и выполнять роль мобильной артиллерии. На основании «Инструкции тактического использования танков» от 24 января 1929 года предписывалось использовать их малыми группами. Словом, спустя 10 лет после завершения Первой мировой войны, французский генералитет продолжал мыслить ее критериями.

Неудивительно, что с 1918 по 1935 год французская промышленность изготовила всего 280 боевых машин. Основой бронетанковых сил долгое время оставались два типа танков: легкий FT17 (FT18) и тяжелый 2С. Их тактико-технические характеристики вполне отвечали требованиям французской военной доктрины.

Ситуация коренным образом изменилась с приходом к власти в Германии нацистов. Иллюзии о вечном мире рассеялись как дым. Необходимость подготовки к войне стала оче-

видной. В угоду многим политическим деятелям и общественному мнению, склонявшемуся к сугубо оборонительной стратегии, началось строительство «линии Мажино», которая должна была защитить северо-восточную границу Франции. Однако же, несмотря на косность и отсталость этих взглядов, некоторые военные и политики понимали, что, отсиживаясь в крепости, войну не выиграешь, – уже в 1929 году генерал Думенк составил рапорт по применению и организации танковых частей. В нем говорилось о необходимости формирования самостоятельных танковых соединений.

В начале 1930-х годов во Франции появился свой теоретик, вопреки официальной военной доктрине высказывавший те же идеи, что и его английские, немецкие и советские коллеги. В одиночку он повел наступление в пользу бронетанковой техники против французского генерального штаба! Звали его Шарль де Голль. Да-да, известный нам как лидер Сопротивления в годы Второй мировой войны и впоследствии президент Франции, один из крупнейших политических деятелей XX века; в 1930-е годы он был главным французским танковым теоретиком. В мае 1934 года увидела свет его книга «За профессиональную армию», посвященная вопросам стратегии и тактики, многочисленным техническим деталям формирования танковой профессиональной армии. Де Голль исходил из предположения, что грядущая война пройдет под знаком глубоких прорывов, стремительных наступлений и неслыханного темпа передвижений. Он утверждал, что война с Германией начнется с удара по территории Бельгии, граница которой не была укреплена. Для контрудара Франции будут необходимы танково-механизированные дивизии, как минимум шесть – по 500 танков в каждой. Все эти дивизии должны объединяться в танковый корпус, основными достоинствами которого станут скорость и большой радиус действия. Этой книгой де Голль нажил себе множество врагов.

Пехотный танк «Матильда I». 1938 год

В высших военных кругах на него смотрели как на сумасшедшего. Книга была напечатана тиражом в несколько тысяч экземпляров, продано же было только 750! Воистину нет пророка в своем отечестве!

Однако на рубеже 1930-х годов жизнь заставила французских военных заняться моторизацией армии. Крупнейшие французские фирмы, в свою очередь, занялись созданием новых образцов бронетанковой техники. Особенностью этого процесса во Франции являлось наличие двух родов войск сухопутных сил: пехоты и кавалерии. Они могли самостоятельно заказывать промышленности боевую технику для собственных нужд и создавать организационно-штатную структуру тех или иных соединений. Таким образом количество образцов вооружения, создаваемых различными фирмами, нередко удваивалось, что приводило к излишней разнотипности танкового парка.

По ряду причин кавалерия приступила к моторизации раньше пехоты. С 1931 по 1940 год в ее составе были сформированы три легкие механизированные кавалерийские дивизии – Division Legere Mecanique (DLM), которые по существу, представляли собой танковые дивизии от кавалерии. Каждая из них включала штаб, разведывательный полк (два батальона в составе эскадрона мотоциклистов и эскадрона бронеавтомобилей), танковую бригаду (два танковых полка – 160 машин), механизированную бригаду (более 3000 человек и 60 танков), артиллерийский полк, противотанковый батальон (20 орудий), зенитную батарею (6 пушек), саперный батальон и др.

Танки «Рено» FT31 на маневрах французской армии. Конец 1930-х годов

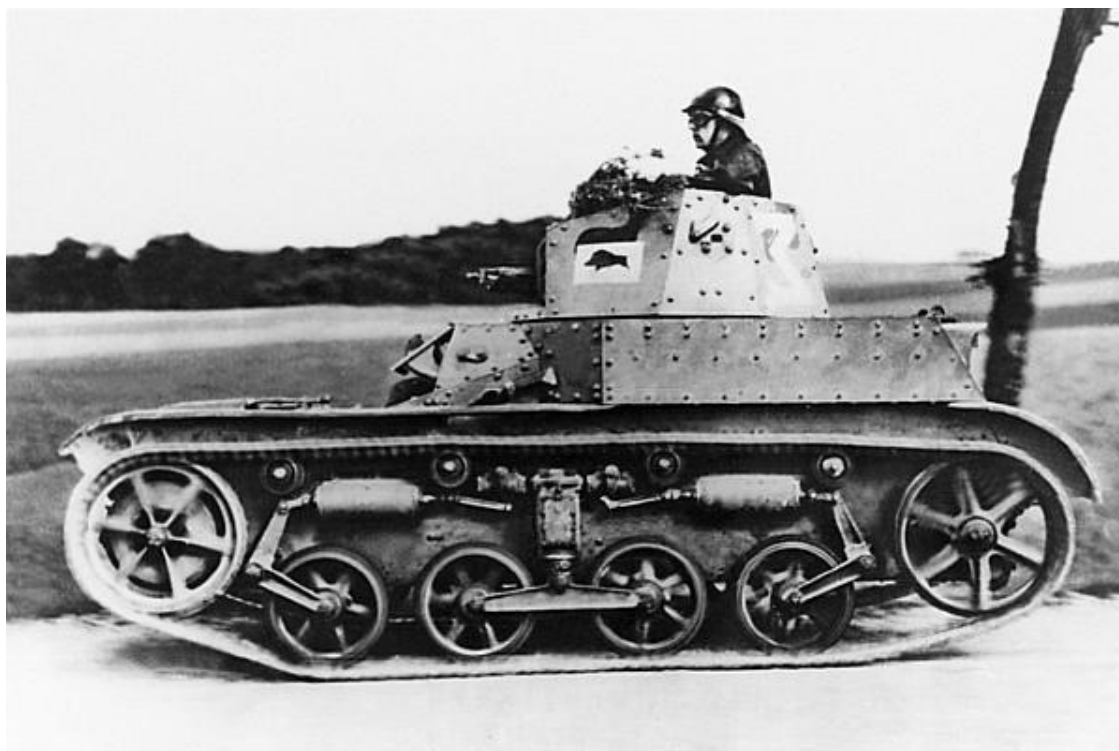
Свои механизированные части получили и пять легких кавалерийских дивизий Division Legere de Cavalerie (DLC). Классическая конница была представлена в них кавалерийской бригадой. Механизированные же части, сведенные в легкую бригаду состояли из разведывательно-танкового полка, моторизованного драгунского полка, эскадрона 25-мм противотанковых пушек и ремонтно-технического эскадрона. Каждая из DLC имела 44 танка и бронемашины.

Все эти соединения кавалерии находились в составе армии метрополии и принимали участие в боевых действиях в 1940 году. 6-я легкая кавалерийская дивизия находилась в Тунисе, а 4-я легкая механизированная кавалерийская дивизия так и не вышла из стадии формирования.

7 сентября 1936 года французское правительство, осознав наконец надвигающуюся угрозу войны со странами «оси», утвердило четырехлетний план строительства вооруженных сил. В соответствии с этим планом необходимо было изготовить 3500 новых танков для уком-

плектования 50 танковых батальонов, предназначавшихся для поддержки пехотных соединений. Кроме того, предусматривалось и формирование двух танковых дивизий.

Свои первые плоды этот план принес только к 1940 году – в январе удалось завершить формирование 1 и 2-й танковых дивизий Division Cuirasse (DCR), а к марту 3-й танковой дивизии. По штату каждая дивизия должна была иметь полубригаду средних танков (два батальона – 60 машин) и полубригаду легких танков (два батальона – 90 машин). Кроме того, в состав танковой дивизии входили батальон мотопехоты, оснащенный 20 бронев автомобилями, два дивизиона 105-мм гаубиц, батарея 47-мм пушек и батарея 25-мм зенитных пушек. Одна из трех танковых дивизий имела 180 танков, две – только по 136 танков. Остальные танки поддержки пехоты были сведены в отдельные роты, батальоны, полки, группы и бригады, придаваемые полевым армиям. Впрочем, все три танковые бригады и 14 танковых полков расформировали в марте 1940 года. Танковые разведывательные группы – Groupe de Reconnaissance de Division d'Infanterie (GRDI) включили в состав семи моторизованных пехотных дивизий. Обычно такая группа состояла из 20 танков и 12 бронев автомобилей. Моторизованные пехотные дивизии входили в состав армейских корпусов наряду с обычными пехотными дивизиями. Тем самым, сводились на нет все преимущества мотопехоты в подвижности.

Легкий разведывательный танк «Рено» AMR 33VM. 1935 год. Эта машина предназначалась для кавалерийских соединений

К маю 1940 года французская армия располагала 2637 танками новых типов. В их числе: 314 танков В1, 210 – D1 и D2, 1070 – R35, AMR, AMC, 308 – H35, 243 – S35, 392 – H38, H39, R40 и 90 танков FCM. Кроме того, в парках хранилось до 2000 старых боевых машин FT17/18 (из них 800 боеспособных) и шесть тяжелых 2С. Около 600 бронев автомобилей и примерно 3500 бронетранспортеров и гусеничных тягачей дополняли бронетанковое вооружение сухопутных войск. Подавляющая часть этой техники находилась в метрополии. 49 батальонов и 12 отдельных танковых рот, три легкие механизированные и три танковые дивизии были развернуты на границе с Германией. Затем к ним добавилось несколько отдельных танковых

батальонов, переброшенных из Северной Африки, 6-я и 10-я (польская) танковые бригады кавалерии, а также знаменитая 4-я танковая дивизия генерала де Голля.

Говоря о танкостроении и строительстве танковых войск в двух ведущих державах Европы, нельзя обойти молчанием ведущую державу Американского континента – США. Конечно, в те годы эта страна не занимала то положение в мире, какое занимает сейчас. В ее правящих кругах преобладали изоляционистские настроения. Тем не менее эта была одна из крупнейших экономик мира, сбрасывать которую со счетов нельзя, тем более что танкостроение в США также начало развиваться в годы Первой мировой войны.

Легкий танк сопровождения пехоты «Рено» R35. 1936 год

26 января 1918 года началось формирование американского Танкового корпуса, организационно состоявшего из двух частей: танкового корпуса в составе Американских экспедиционных сил в Европе и так называемой Танковой службы Национальной армии (Tank-Service National Army), вскоре переименованной в корпус. Таким образом, в 1918 году США располагали двумя танковыми корпусами – один дислоцировался во Франции и Великобритании, другой – на территории США. На их вооружение поступали французские легкие танки FT17 и тяжелые английские Mk V.

Боевой дебют состоялся 12 сентября 1918 года у Сен-Мишеля – местечка к югу от Вердена. 344-м и 345-м танковыми батальонами командовал в этом бою подполковник Дж. Паттон. Любопытно отметить, что у колыбели американских танковых войск стоял еще один, в будущем ставший знаменитым военачальник: полковник Д. Эйзенхауэр возглавлял учебный танковый центр Camp Colt в Пенсильвании.

До конца Первой мировой войны американская армия получила 514 FT17 и 47 Mk V, что для того времени было немало. На этом фоне куда более впечатляюще выглядели собственные планы танкового производства США. Намечалось выпустить, например, тысячу тяжелых танков Mk VIII, спроектированных в Англии, и 4440 «6-тонных танков модели 1917 г.» (заокеанский вариант французского FT17). Реальные цифры выглядели скромнее: 100 единиц первых и 950 вторых. Именно эти боевые машины составляли основу танкового парка армии США и корпуса морской пехоты в 1920-е годы.

В отличие от британского американские танковые корпуса после окончания войны существовали недолго – в 1920 году их расформировали. В дальнейшем в течение 20 лет никаких крупных танковых соединений в армии США не существовало.

Легкие кавалерийские танки «Гочкис» H35 на предвоенном параде

К 1940 году были сформированы лишь так называемая Временная танковая бригада (Provisional Tank Brigade) и 7-я механизированная кавалерийская бригада. Темпам формирования танковых соединений вполне соответствовали и темпы производства: в 1936 году – 19 легких танков, в 1937-м – 154 легких, в 1938-м – 18 средних и 74 легких. Подобное легкомысленное отношение к танкам на первый взгляд кажется странным для такой высокоразвитой в экономическом отношении богатой державы, как США. Однако оно вполне объяснимо. Страна была отделена от всех опасностей океанами и основные средства выделяла на содержание и совершенствование военно-морского флота, способного предотвратить любое вторжение. Воевать же за пределами американского континента США ни с кем не собирались – в те годы они еще не претендовали на роль мирового лидера. Для обеспечения же собственных интересов в Центральной Америке в 1930-е годы вполне хватало наличных сил корпуса морской пехоты и совсем незначительного числа устаревших танков. В результате к началу Второй мировой войны США располагали парком боевых машин едва ли не меньшим, чем Польша.

Тяжелый танк B1bis покидает заводскую территорию фирмы FCM, май 1940 года

Практически полное отсутствие в США современных серийных танков и, как следствие, танковых войск не способствовало развитию теоретических взглядов на их боевое применение. В этом американские военные целиком полагались на своих европейских коллег.

Совсем иначе обстояло дело в СССР. Как участник Первой мировой войны Россия получила опыт позиционных боевых действий. Однако практически сразу после выхода Советской России из войны в 1918 году началась Гражданская война, отличавшаяся маневренным характером операций. Возможно, это обстоятельство и стало причиной активного развития теоретических взглядов на боевое применение танковых войск. В связи с этим обычно сразу вспоминают «Теорию глубокой наступательной операции». Правда, вопреки распространенному мнению, танки в эту теорию попали не сразу. Да поначалу и не могли попасть! Первую приблизительную формулировку и обоснование расчетами такой операции произвел В. К. Триандафилов в своей книге «Характер операций современных армий», изданной в 1926 году. На тот момент Красная Армия не только не имела опыта проведения танковых операций (если не считать двух-трех мелких эпизодов периода Гражданской войны), но толком не имела и самих танков. В составе Красной Армии имелся только один танковый полк, укомплектованный трофейными танками английского и французского производства. Процесс развертывания танковых войск и развитие теории их применения шли рука об руку.

Самоходная 25-мм противотанковая пушка на шасси полноприводного грузовика «Лаф-фли» готова к бою

«Временная инструкция по боевому применению танков», выпущенная в 1928 году, явилась первым специальным наставлением по боевому применению танков в Красной Армии. В отличие от ранее существовавших положений «Инструкция» предусматривала, при наличии соответствующих условий, использование танков для выполнения самостоятельных задач, массированно, в качестве свободно маневрирующей группы или эшелона, наступающего впереди пехоты.

М2А2 – наиболее массовые легкие танки армии США в предвоенный период

Серийное производство первых отечественных танков МС-1 позволило приступить к формированию механизированных войск. В июле 1929 года РВС СССР утвердил масштабную «Систему танково-тракторно-авто-броневоружения РККА». Системой было предусмотрено иметь на вооружении Красной Армии боевые машины различных типов и предназначения: танкетки массой 3,3 т с одним пулеметом, легкие (малые) танки массой до 8 т, вооруженные 37-мм пушкой и двумя пулеметами, средние танки массой до 16 т с 45-мм пушкой и тремя пулеметами, большие (тяжелые) и мостовые танки, самоходные установки с 76-мм пушкой, зенитные пулеметные установки с 4-ствольным пулеметом, а также тракторы и бронев автомобили на базе серийных народно-хозяйственных конструкций.

Колонна легких танков М2А3 во время летних маневров. 1939 год

Для реализации этих планов 3 ноября 1929 года было принято решение о создании Управления механизации и моторизации (УММ) РККА. Первым начальником УММ был назначен крупный специалист в области организации технического оснащения Красной Армии командарм 1-го ранга И. А. Халепский, его заместителем – К.Б. Калиновский – командир опытного механизированного полка, командовавший в период гражданской войны бронепоездом и награжденный двумя орденами Красного Знамени. Именно Калиновский, энтузиаст механизации и моторизации армии, уделял большое внимание разработке военно-теоретических вопросов организации и боевого применения танковых и механизированных войск. В его опубликованных работах «Проблемы маневренной войны с точки зрения механизации и моторизации», «Проблемы механизации и моторизации современных армий» впервые широко были поставлены наиболее важные вопросы строительства и боевого применения бронетанковых войск, высказаны принципиальные положения об их организационной структуре и наиболее целесообразных формах использования танковых и механизированных частей. В частности в своей статье «Проблемы маневренной войны с точки зрения механизации и моторизации», опубликованной в газете «Красная звезда» в 1930 году, К.Б. Калиновский писал:

«Стадия развертывания оперативного маневра рисуется в следующем виде. Механизированные соединения, стратегическая конница (1-й эшелон оперативного маневра), устремляющиеся в прорыв вместе с мощной штурмовой и бомбардировочной авиацией, встречными столкновениями ликвидируют подходящие пешком, на автомобилях оперативные резервы противника.

Дезорганизация тыла противника – узлов управления, снабжающих баз...производится рейдирующими механизированными соединениями и стратегической конницей, сопровождаемыми десантами с воздуха.

Одновременно войсковые соединения (второго эшелона оперативного маневра) развертывают маневр на автомобилях (автомобильный маневр), поданных из состава авторезерва главного командования...»

Исходя из положений советской военной доктрины, еще до оснащения в большом количестве высоко мобильными средствами вооруженной борьбы (танками и самолетами) советские военные теоретики приступили к разработке двух важнейших военных теорий: это теория последовательных операций и теория глубокой наступательной операции.

Анализируя боевой опыт и развитие средств вооруженной борьбы, ряд военачальников и военных теоретиков пришли к выводу: уничтожить противника можно только «рядом последовательных операций». Сущность этих операций понималась М. Н. Тухачевским, Н. Е. Варфоломеевым и Е. А. Шкловским как ряд операций, следующих одна за другой. Каждая из этих операций должна была проводиться в соответствии с теорией глубокой наступательной операции.

Средний танк М2А1 на Абердинском полигоне

Существо проблемы «глубокой операции» заключалось в решении задач наступления методом сокрушительных ударов по всей глубине построения войск противника с целью полного его разгрома. Теория глубокой наступательной операции указывала выход из тупика позиционной борьбы, характерного для кровопролитных, но малорезультативных сражений Первой мировой войны, во время которой не применялись в широких масштабах мощные маневренные средства. Между двумя мировыми войнами появились такие средства, которые позволяли превратить тактический прорыв в оперативный. К их числу принадлежали танки, авиация, а также воздушно-десантные войска.

Массированное применение крупных танковых соединений во взаимодействии с моторизованной пехотой и авиацией и при поддержке дальнобойной артиллерии открывало новые возможности перед наступлением. Авиация была способна решать задачи оперативного значения, сковывая маневр резервов противника и нанося им потери, сопровождая в то же время танковые и моторизованные соединения бомбовыми и штурмовыми ударами по врагу. Воздушно-десантные войска захватом важных объектов в глубине расположения противника могли значительно облегчить маневр своих подвижных войск. Усиление артиллерии открывало возможности надежного подавления неприятельской обороны на всех этапах прорыва.

Согласно теории глубокой наступательной операции прорыв тактической обороны врага осуществляли общевойсковые соединения – стрелковые корпуса, а танковые, моторизованные и кавалерийские соединения, взаимодействуя с авиацией, должны были смело проникать в глубь не только тактической, но и, что особенно важно, оперативной обороны противника. При этом быстрота развития прорыва должна была превышать темпы отхода обороняющейся вражеской пехоты. Подвижные войска должны опережать отходящего противника и, следовательно, не давать его резервам усилить оборону на промежуточных рубежах, обнажать его фланги и тем самым создавать выгодные условия для ударов во фланг или для окружения всей группировки противника.

Это была принципиально новая теория наступления технически оснащенной армии, соответствовавшая объективным условиям вооруженной борьбы. Но, естественно, на первых порах в советской теории оперативного искусства далеко не все было разработано до конца и, как показал последующий опыт, не все было правильным.

Легкие танки МС-1 проходят по Красной площади. 1930 год

Прежде всего, несколько упрощенно оценивался маневренный характер будущей войны. Не проводилось существенного различия между маневренностью начального периода войны и ее последующих этапов. Отсюда излишний упор делался на маневренное начало наступательной операции (подход к обороне противника), на встречные столкновения. Вопросы органи-

зации наступления в условиях непосредственного соприкосновения с противником были разработаны слабо. Сила и упорство оперативной обороны врага недооценивались.

Согласно тогдашним взглядам, танки, привлекаемые для участия в глубокой наступательной операции должны были подразделяться на три группы:

*«1. **Группа непосредственного сопровождения пехоты** (конницы), которая всегда действует в тесной зрительной связи с поддерживаемой пехотой (конницей); ее основные задачи: 1) проделывание проходов в проволочных заграждениях и 2) подавление или уничтожение на всем пути наступления пехоты (конницы) всех огневых точек и живой силы, задерживающих продвижение поддерживаемой пехоты (конницы), примерно с дистанции прямого выстрела (300–600 м).*

*2. **Группа дальнего сопровождения пехоты** (конницы) действует в тактической и огневой связи с поддерживаемой пехотой (конницей); ее основные задачи: 1) подавление и уничтожение огневых средств, в первую очередь пулеметных батарей, расположенных в глубине обороны на обратных скатах и препятствующих своим огнем продвижению пехоты с дальних дистанций (2 – 3 км); 2) уничтожение противотанковых пушек и батарей в целях собственной самозащиты и открытия свободного пути идущим за нею танковым группам.*

*3. **Группа атаки дальних целей**, находясь в тактическом взаимодействии со всем боевым порядком данного соединения, действует в глубине обороны противника; ее основные задачи: 1) подавление и уничтожение артиллерийских батарей для открытия свободного пути следующей за ней пехоте и остальным группам танков, а также в целях собственной самозащиты; 2) расстройство и уничтожение крупных резервов, штабов, узлов связи и тылов противника в целях парализования всех средств управления обороной и пресечения возможностей нанесения контрударов из глубины по продвигающейся пехоте».*

Колесно-гусеничный танк БТ-2. 1932 год

Исходя из рассмотренной теории в состав бронесил должны были поступить три типа танков: это танки непосредственной поддержки пехоты (НПП), танки развития успеха (РУ) и танки дальнего действия (ДД).

Танки НПП должны были организационно войти в состав общевойсковых и кавалерийских соединений в виде отдельных танковых и танкетных рот и батальонов. Эти танки и танкетки могли иметь невысокую скорость, так как предназначались для действий совместно с пехотой. Задачей машин этого типа считалось огневое подавление пехоты противника. Вооружение этих танков должно было иметь высокую скорострельность и достаточно большое количество боеприпасов для создания большой плотности огня с целью подавления пехоты противника. Следствием было вооружение легких танков малокалиберными автоматическими и полуавтоматическими пушками небольшого калибра.

Легкий танк Т-26 обр. 1931 г. с пулеметным вооружением. Эта машина предназначалась для совместных действий с пехотой

Танки РУ должны были обладать высокой скоростью и более мощным вооружением. Они совместно со стрелковыми механизированными частями должны были вводиться в бой после прорыва тактической зоны обороны противника (ТЗО). Перед ними ставилась задача нарушения коммуникаций противника и разгрома подходящих резервов противника. Однако эти танковые подразделения могли вводиться в бой еще и до окончательного прорыва обороны противника, действуя совместно с пехотой.

Танки ДД предназначались для действий в отрыве от основных пехотных подразделений. Задачей их было уничтожение вражеских артиллерийских батарей, узлов связи и штабов противника. Эти машины должны были обладать высокой огневой мощностью, быть способными к круговой обороне без помощи пехоты и обладать более сильным бронированием.

Зона деятельности первой группы танков находилась в 1,5–2 км от переднего края обороны, второй – в 2–4 км и третьей – в 4–8 км.

Все эти теоретические изыскания получили отражения в тогдашних официальных руководствах и уставах – таких, как: «Самостоятельные моторизованные соединения» (1930 г.), «Боевое применение самостоятельных моторизованных соединений» (1931 г.), «Вождение и бой самостоятельных механизированных и моторизованных соединений» (1932 г.), «Инструкция по глубокому бою» (1935 г.), «Боевой устав механизированных и моторизованных войск РККА» часть I (1937 г.).

Первый пятилетний план военного строительства, утвержденный РВС СССР 13 июня 1930 года, ставил задачи: добиться превосходства над вероятным противником по решающим видам вооружения, в том числе и по танкам; перевооружить армию новейшими образцами военной техники; создать новые технические рода войск; модернизировать устаревшую технику; обеспечить массовую подготовку технических кадров и овладение новой техникой личным составом армии. План этот начал претворяться в жизнь невиданными темпами.

Для качественного усиления стрелковых и танковых соединений при прорыве обороны противника предназначался танк Т-28. 1936 год

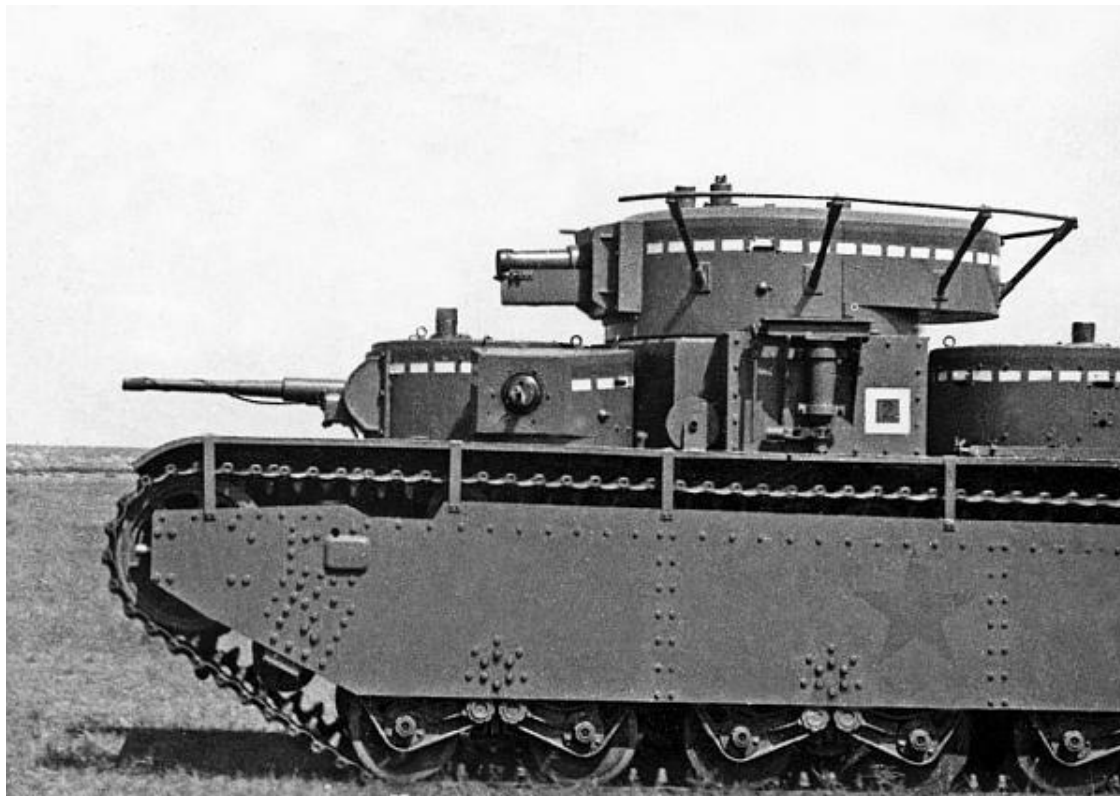
По мере поступления боевых машин от промышленности началось интенсивное развитие мотомеханизированных войск. В мае 1930 года было сформировано первое постоянное бронетанковое соединение – механизированная бригада, по типу которой стали создаваться механизированные соединения в военных округах. В августе 1938 года механизированные полки, бригады и корпуса были преобразованы в танковые. К концу года в Красной Армии имелось 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкотанковые бригады, 4 тяжелые танковые бригады и 3 химические (огнеметные) бригады, а также значительное количество танковых батальонов и полков, входивших в состав стрелковых и кавалерийских дивизий.

Следует отметить, что в период с 1936 по 1940 год советские механизированные, а затем – танковые, войска имели возможность приобрести и боевой опыт, принимая участие в нескольких локальных вооруженных конфликтах.

В связи с этим в первую очередь надо упомянуть войну в Испании.

18 июля 1936 года в этой стране начался мятеж против правительства республики, возглавленный генералом Франсиско Франко. Мятеж поддержала большая часть армии гражданской гвардии и полиции. Высадив Африканскую армию в континентальной Испании, в течение нескольких недель Франко захватил половину территории страны. Но в крупных промышлен-

ных центрах севера – Мадриде, Барселоне, Валенсии, Бильбао и других мятеж не удался. В Испании началась гражданская война.

Тяжелый пятибашенный танк прорыва Т-35. 1935 год

Уступая просьбе республиканского правительства, правительство СССР приняло решение продать испанцам военную технику и направить в Испанию военных советников, в том числе и танкистов.

26 сентября 1936 года в порт Картахена прибыла первая партия из 15 танков Т-26, которые предполагалось использовать для обучения испанских танкистов. Но обстановка осложнилась, и эти танки пошли на формирование танковой роты, командование над которой принял капитан РККА П. Арман. Уже 29 октября рота вступила в бой.

1 ноября нанесла удар по франкистам танковая группа полковника С. Кривошеина, в состав которой входили 23 Т-26 и девять бронеавтомобилей. При этом на части машин были испанские экипажи.

С начала декабря 1936 года в Испанию в массовом порядке начали прибывать танки Т-26 и другая военная техника, а также личный состав во главе с комбригом Д. Павловым. Командиры и механики-водители были кадровыми военными, направленными из лучших частей и соединений Красной Армии: механизированной бригады им. Володарского (г. Петергоф), 4-й механизированной бригады (г. Бобруйск), 1-го механизированного корпуса имени К. Б. Калиновского (г. Наро-Фоминск). На основе почти 100 единиц прибывшей техники и личного состава началось формирование 1-й Республиканской танковой бригады. Главным образом за счет советской помощи к лету 1938 года армия республиканцев располагала уже двумя бронетанковыми дивизиями.

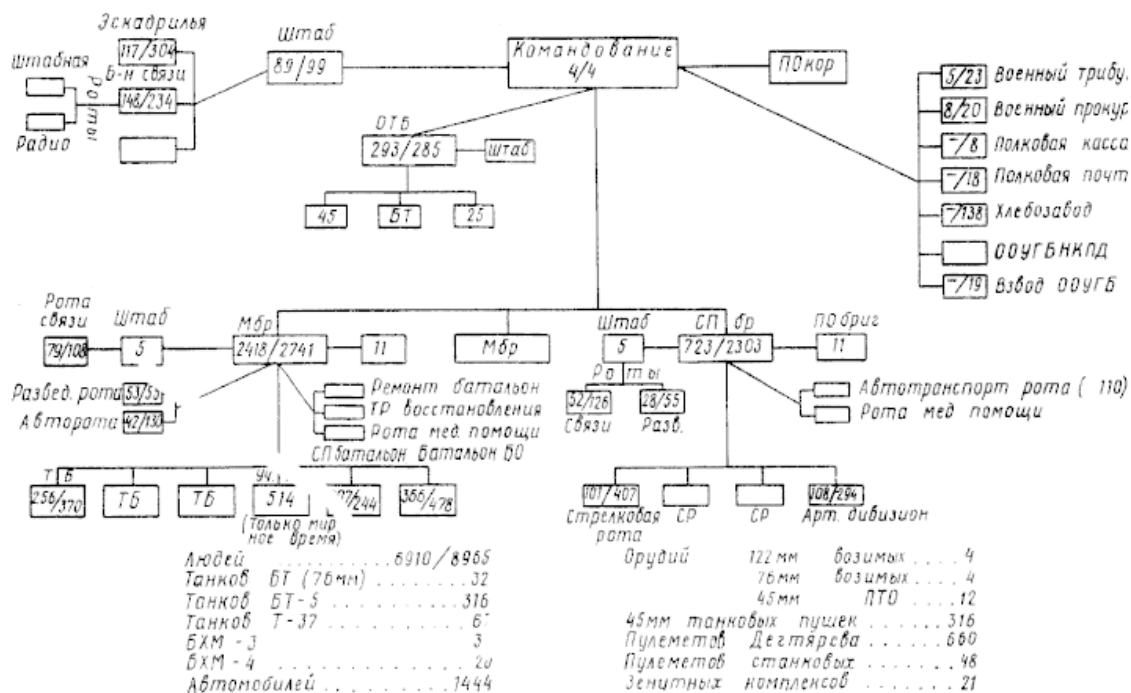
Всего же до конца гражданской войны Советский Союз поставил республиканской Испании 297 танков Т-26 (поставлялись только однобашенные машины образца 1933 года) и 50 колесно-гусеничных танков БТ-5. Эти машины принимали участие практически во всех боевых операциях, проводившихся армией республиканцев, и показали себя с хорошей стороны.

Немецкие Pz.I и итальянские танкетки CV3/33, имевшие только пулеметное вооружение, были бессильны против Т-26 и БТ-5, вооруженных 45-мм пушками. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать на следующем примере.

Во время боя у селения Эскивиас танк Т-26 Семена Осадчего таранил итальянскую танкетку CV3 и сбросил ее в ущелье. Вторая танкетка также была уничтожена, а две другие повреждены. Соотношение потерь иногда было еще большим. Так, в период сражения под Гвадалахарой за один день 10 марта взвод из двух Т-26 под командованием испанца Э. Феррера подбил 25 итальянских танкеток!

Следует, однако, подчеркнуть, что советским танкистам противостоял достойный противник. Пехота мятежников, особенно марокканская, неся большие потери от действий танков, не покидала окопов и не отходила. Марокканцы забрасывали боевые машины гранатами и бутылками с бензином, а когда их не было, солдаты противника с винтовками наперевес бросались прямо под танки, били прикладами по броне, хватались за гусеницы.

Боевые действия в Испании, продемонстрировавшие, с одной стороны, превосходство советских танков над немецкими и итальянскими в вооружении, с другой стороны, выявили и их основной недостаток – слабость бронирования. Даже лобовая броня Т-26 легко пробивалась немецкими и итальянскими противотанковыми пушками.

Организация механизированного корпуса. 1937 год

Первой же боевой операцией собственно Красной Армии, в которой участвовали танки (если не считать «демонстрацию мускулов» из 9 МС-1 в ходе советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году), стал советско-японский вооруженный конфликт у оз. Хасан в июле 1938 года. Для разгрома японской группировки советское командование привлекло 2-ю механизированную бригаду, а также 32-й и 40-й отдельные танковые батальоны. Советская танковая группировка насчитывала 257 танков Т-26, в том числе 10 огнеметных ХТ-26, три мостоукладчика СТ-26, 81 БТ-7 (в разведбатальоне 2-й мехбригады) и 13 самоходных артиллерийских установок СУ-5-2. Так что это было сильное, полностью укомплектованное соединение.

Впрочем, существенные потери 2-я мехбригада понесла еще до начала боевых действий. 27 июля, за три дня до выступления в район боев, арестовали ее командира комбрига А. П. Панфилова, начальника штаба, комиссара, командиров батальонов и ряда других подразде-

лений. Всех их объявили врагами народа. В результате 99% командного состава составляли вновь назначенные люди, что негативно сказалось на последующих действиях бригады. Так, например, из-за плохой организации движения колонн и спешки марш протяженностью всего в 45 км бригада прошла за 11 часов! При этом часть подразделений из-за полного незнания маршрута движения довольно долго блуждала по городу Ворошилов-Уссурийский.

При штурме занятых японцами сопок Богомольная и Заозерная наши танкисты натолкнулись на хорошо организованную противотанковую оборону. В результате было потеряно 85 танков Т-26, из них 9 – сожжены. Разведбату поручалось «на больших скоростях проскочить зону обстрела, ворваться в передний край обороны японцев и ударом по северо-западным склонам сопок Богомольная и Заозерная, уничтожить их огневые точки и тылы». В атаке, начавшейся днем 6 августа 1938 года, участвовало 16 БТ-7. Ведомые командиром и комиссаром бригады танки на большой скорости без потерь проскочили зону артогня японцев и попали... в болото, в котором застряло 14 машин. Выбраться оттуда без посторонней помощи они не могли, и экипажам пришлось занять круговую оборону, чтобы не допустить уничтожения танков японцами.

Годом позже, вступив в схватку с японцами в монгольских степях, советские танкисты действовали значительно успешнее.

В мае 1939 года части 23-й японской пехотной дивизии (позже с частями усиления развернутой в 6-ю армию), сбив монгольские пограничные заставы, начали продвижение в глубь территории Монгольской Народной Республики (МНР) в направлении реки Халхин-Гол. По договору от 12 марта 1936 года Советский Союз обязался защищать территорию МНР от всякой внешней агрессии так, как защищал бы свою собственную территорию. С этой целью в Монголии дислоцировались войска 57-го особого корпуса Красной Армии, однако в районе вспыхнувших боевых действий их было крайне мало. Достаточно сказать, что по восточному берегу Халхин-Гола занимали оборону полк монгольской кавалерии, один батальон советского стрелкового полка, спешно переброшенный сюда на автомашинах, несколько артиллерийских батарей и снятая со строительных работ рота саперов. Больше ничем в этом районе советско-монгольское командование не располагало. Так началась первая фаза боевых действий, которые по географическим названиям в этих местах – сопки Номонхан-Бурд-Обо, озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол – фигурируют в японской и западной литературе как номонханские события, а в нашей – как вооруженный конфликт у озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол. Вскоре 57-й корпус развернули в 1-ю армейскую группу, командиром которой был назначен комкор Г.К. Жуков.

Танк Т-26 обр. 1933 г. из состава Республиканской армии. Испания, 1937 год

В составе 1-й армейской группы имелись две танковые бригады: 11-я и 6-я, укомплектованные танками БТ-7 и БТ-5. На долю первой выпало участие в наиболее драматических событиях этого конфликта. Вот как они описаны в «Отчете об использовании бронетанковых войск на р. Халхин-Гол»: «К 3.07 японцы, потеснив 6-ю кд МНРА, одним пехотным полком переправились через Халхин-Гол на нашем левом фланге, овладели районом горы Баин-Цаган. Вторым пехотным полком японцы с утра 3.07 начали переправу через Халхин-Гол в этом же районе. Японцы стремились движением на юг вдоль Халхин-Гола отрезать от центральной переправы и уничтожить наши части, находящиеся на восточном берегу.

11-я тбр (командир – комбриг М.П. Яковлев, погиб в ходе боевых действий и бригаде было присвоено его имя.—Прим. автора), только что подошедшая из глубокого тыла в район боевых действий, была брошена с хода в бой против переправившихся на западный берег японцев. Японцы знали о приближении бригады и подготовились к встрече ее в районег. Баин-Цаган. Бригада атаковала двумя группами: с юга на север вдоль Халхин-Гола одним батальоном и с запада на восток – двумя батальонами. В результате атаки большой группы танков (132

единицы) обороняющийся противник был сильно потрясен, вынужден отказаться от своего плана действий и начал отводить свои части на восточный берег Халхин-Гола. В результате этой атаки, не поддерживавшейся артогнем и без взаимодействия с пехотой, бригада потеряла 36 танков подбитыми и 46 сгоревшими. Этот опыт говорит, что такая атака допустима как крайний случай, вызванный оперативными соображениями».

И это действительно было так. Переправа японцев и захват ими горы Баин-Цаган явились неожиданностью для советского командования. Времени для подтягивания стрелковых частей и артиллерии не было – японцам нельзя было дать закрепиться на западном («нашем») берегу Халхин-Гола. В этих условиях удар 11-й бригады был единственным выходом из положения, единственным способом сковать японцев боем. Наши танки, ведя шквальный огонь из пушек и пулеметов, в буквальном смысле «проутюжили» японскую оборону. Сильным оказался и психологический эффект от такой массовой танковой атаки. Вот что записал об этих событиях японский солдат Накамура в своем дневнике 3 июля: «Несколько десятков танков напали внезапно на наши части. У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. Весь личный состав упал духом».

В ходе августовской операции 11-я танковая бригада использовалась для непосредственной поддержки пехоты. Ее батальоны были приданы стрелковым частям с распределением поротно. Взаимодействуя с пехотой, танки несли меньшие потери, так как первая ружейным и пулеметным огнем уничтожала расчеты противотанковых орудий противника, «бутылочников» и гранатометчиков. С 20 по 31 августа ежедневно, иногда по несколько раз в день танковые батальоны участвовали в атаках. В среднем за эту операцию каждый танк побывал в атаках от 6 до 10 раз, причем из 185 танков, имевшихся в бригаде, было сожжено 22 и подбито 102. Из числа последних в период операции восстановлено 37 машин, а остальные – после ее окончания.

Основные потери наши танки несли от 70-мм японских батальонных гаубиц обр. 1932 г. и 37-мм противотанковых пушек. На близких дистанциях бронебойные снаряды последних насквозь прошивали танки, а на средних – легко пробивали их бортовую броню. Минирование японцами проводилось редко, но случались потери и от него.

Бронебойными же винтовочными пулями и пулями из японских крупнокалиберных пулеметов броня наших танков не пробивалась даже с коротких дистанций.

По завершении боевых действий 11-я ордена Ленинатанковая бригада имени М.П. Яковлева совершила 630-километровый марш на колесах к месту постоянной дислокации. Марш был совершен за четыре суточных перехода (с 12 по 15 октября 1939 года). При этом средний запас хода на одной заправке топлива составил у БТ-5 – 130 км, а у БТ-7 – 315 км. Сказывалась большая емкость топливных баков последнего.

В заключение можно привести выдержку из «Акта о боевых действиях в период 11–24.7.39 г. частей 1-й армейской группы», касающуюся 11-й танковой бригады: *«До начала боев была подготовлена вполне удовлетворительно. Получив весьма ответственную задачу 3.7.39 г., справилась с честью, хотя и понесла большие потери. В результате боев получила большой опыт. Является сколоченной боевой единицей. Требуется укомплектовать личным составом и пополнить материальной частью, заменив БТ-5 на БТ-7».*

6 июля 1939 года из состава 11-го танкового корпуса Забайкальского военного округа была выведена 6-я танковая бригада (командир – полковник М.П. Павелкин), полностью укомплектованная танками БТ-7. Колонны боевой техники двинулись по дороге, ведущей к границе МНР. Путь частей бригады пролегал через Баин-Тумен и Тамцак-Булак к Халхин-Голу. Этот маршрут, протяженностью около 800 км, бригада прошла за 55 ходовых часов, а всего за 6 суток, движение осуществлялось на гусеницах.

Танк БТ-7 6-й танковой бригады выходит на рубеж атаки. Район реки Халхин-гол, 1939 год

При подготовке операции по полному разгрому японских войск 6-я танковая бригада была включена в состав Южной группы, в задачу которой входил охват группировки японских войск с фланга с последующим выходом в тыл.

В ночь с 18 на 19 августа по наведенным саперами переправам началось выдвижение советских стрелковых и танковых частей на восточный берег Халхин-Гола. Танки переправлялись небольшими группами, чтобы не особенно тревожить привыкших к шуму моторов японцев. К рассвету 20 августа подготовка операции была закончена, однако батальоны 6-й бригады задержались на переправе через Халхин-Гол. Наведенный саперами понтонный мост не смог выдержать тяжести танков, поэтому решили переправляться вброд. Поскольку для танков того времени река глубиной в полтора метра являлась почти непреодолимой преградой, пришлось конопатить все щели. Вода при переправе доходила до основания башен, но моторы работали, и танки медленно ползли по дну. Весь день 20 августа ушел на переправу, и бригада смогла вступить в бой только на следующий день. Вот что говорится об этом в «Отчете об использовании бронетанковых войск на р. Халхин-Гол»: «6-я тбр в составе 3 батальонов (4-й батальон действовал в составе 9-й мббр) – 153 танка – действовала на заходящем фланге часто самостоятельно или при небольшой пехотной поддержке (1–2 стрелковых батальона).

При самостоятельных действиях танки на большой скорости подходили к какому-либо укрытию и открывали огонь по обороне противника, вызывая его ответный огонь для определения расположения ПТО. Затем, сочетая огонь с движением, атаковали двумя эшелонами и расстреливали его огневые точки. Подход танков к узлам сопротивления, как правило, совершался с расчетом окружения или охвата с трех сторон. При этом танки уничтожали много орудий, дезорганизовывали тыл, но прорвать оборону не могли.

Так, 21 августа в районе Малых песков (8–10 км южнее Номонхан-Бурд-Обо) бригада три раза атаковала узел сопротивления (2 раза одним батальоном, 1 раз – двумя), но каждый раз была вынуждена возвращаться в исходное положение. Наутро узел сопротивления снова ожил. Бригада за эту атаку потеряла 11 танков. Этот узел был уничтожен только во взаимодействии со стрелковым батальоном.

Опыт действий 6-й тбр против обороны противника показал, что танки самостоятельно без пехоты смогут потрясти оборону, нанести противнику сильное поражение, но закрепить за собой местность не смогут. При этом танки несут большие потери.

В обороне танки могли действовать двумя способами. Первый способ – танки в качестве огневой поддержки пехоты – широко применялся и был основным в период до августовской операции, когда части занимали оборону на широком фронте по восточному берегу р. Халхин-Гол. Закопанные по башню или прикрываясь барханами, танки, рассредоточенные повзводно, вели огонь с места, часто меняя позиции.

Танкисты 13-й легкотанковой бригады обсуждают боевую задачу. Карельский перешеек, декабрь 1939 года

Вторым способом была атака танками перед передним краем обороны. Практиковалась 6-й тбр с 24 по 27. 08. 24. 08 японцы одним пехотным и одним кавалерийским полками контратаковали 80-й сп, оборонявшийся на широком фронте и прикрывавший Южную группу с востока. Фланги противника были открыты и давали широкий маневр для танков. Один танковый батальон был придан 80-му сп и находился непосредственно в расположении обороны. Другие выделяли от себя 1–2 роты и с флангов расстреливали наступавшего противника, не переходя в атаку. За 24–26.08 противник понес большие потери и перешел к обороне.

26.08 была организована атака противника с флангов силами трех танковых рот, одного стрелкового батальона и двух стрелковых рот. Атакующие части нанесли противнику большое поражение, но, встретив упорное сопротивление, отошли, потеряв 2 танка сожженными и 6 подбитыми».

В октябре 1939 года 6-я танковая бригада совершила марш от Халхин-Гола до Ундурхана протяженностью 670 км. Движение осуществлялось на колесах. Бригада преодолела маршрут за 39 ходовых часов, проходя в среднем 150 км в сутки.

Подводя итоги вооруженного конфликта у р. Халхин-Гол можно с уверенностью утверждать, что танки сыграли в нем решающую роль. Своей победой в этих боях Красная Армия обязана прежде всего своему количественному и качественному превосходству в танках.

В ходе боев стало совершенно очевидно, что действия танков в наступлении без поддержки пехоты давали возможность лишь временно подавить систему обороны противника.

При совместной атаке с пехотой исходные позиции занимались танками в 1500–2500 м от переднего края противника. Наличие барханов и других складок местности иногда приводило к срыву начала атаки. Например, 21 августа батальон 11-й танковой бригады, заняв слабо замаскированные исходные позиции, был обстрелян артиллерией противника, вследствие чего вынужден был перейти на 1,5 – 2 км в тыл.

Практиковалась и атака пехоты без танков и бронемашин. При этом каждая стреляющая огневая точка противника задерживала атаку, пехота залегала до тех пор, пока танк или бронемашина не уничтожали огневую точку. Если в ходе атаки пехота задерживалась, танки возвращались и уничтожали огневые точки, мешающие продвижению пехоты.

Что касается тактических приемов, то в составе батальона танковая рота строила боевой порядок развернутым фронтом. Место командира роты было в центре боевого порядка впереди или сзади. Если рота действовала одна, то боевой порядок строился в два эшелона. Вторым эшелон имел задачу поддержки огнем первого эшелона и его усиление в глубине обороны противника.

Фронт атаки роты составлял 500 – 700 м, интервалы между взводами составляли 100 м. При действиях в глубине обороны противника этот порядок часто нарушался, взводы отрывались друг от друга или перемешивались.

Танковый взвод действовал в шахматном порядке – три танка впереди и два сзади. Задние танки уничтожали противотанковые орудия, «бутылочников» и солдат с минами – «минеров», выявленных передними танками. Такой боевой порядок танкового взвода сводил к нулю потери танков от «минеров» и «бутылочников».

Управление во взводах и ротах осуществлялось только личным примером – подавалась команда: «Делай, как я». Флажковая сигнализация себя не оправдала. Для экипажей танков она была не видна, а японцы, наоборот, за ней следили и в первую очередь вели огонь по танкам с флажками. Ракеты, как средство целеуказания, не применялись, так как в разгар боя наблюдать за полетом ракеты было очень сложно.

Танки Т-28 из состава 20-й танковой бригады перед маршем к линии фронта. Февраль 1940 года

Каких-то специальных приемов атаки танками батарей противника не использовалось, так как они обычно располагались в глубине обороны и хорошо маскировались в неглубоких котлованах и низинах. Уничтожение артиллерийских батарей велось попутно танками, непосредственно вышедшими на огневую позицию. Например, 23 августа пять танков 4-го батальона 11-й танковой бригады, выйдя на гребень холма, увидели в низине японскую батарею, по которой тут же открыли огонь. Прислуга орудий попряталась в щели. В это время один танк раздавил три пушки, но огнем четвертой у него был пробит бензобак. Горящий танк своим ходом прибыл на исходную позицию, остальные машины присоединились к своей роте.

В ночных действиях танки использовались редко, так как из-за отсутствия прожекторов не могли вести прицельный огонь. Танковые прожектора в первом же бою на 30% были разбиты осколками снарядов и пулями, и их пришлось снять со всех танков. Иногда танки вели огонь с места по вспышкам орудий, пулеметов и по барханам, но такой огонь был малоэффективен. Противник же, оставаясь незамеченным, мог безнаказанно уйти или укрыться в окопах и щелях и обстреливать танки с ближних дистанций. Обычно танки, действовавшие ночью, блуждали, сбиваясь с курса, и их трудно было собрать к утру.

А вот что говорилось в одном из итоговых документов 1-й армейской группы по поводу взаимодействия танковых и пехотных подразделений и артиллерии: *«Организация работ по тесной увязке действий танков, пехоты и артиллерии, являлась слабым местом в организации боя. Стремление скорее и скорее атаковать и уничтожить противника без трезвого и реального расчета возможности одновременной дружной атаки, приводило к топтанию на месте и ряду неудачных атак с большими потерями. Русская старинная пословица «Семь раз отмерь, один раз отрежь» была забыта многими командирами. Требования уставов РККА о тщательной подготовке и организации атаки, зачастую не выполнялись. Очень часто ввод подразделений в бой проходил прямо с марша.*

Времени на организацию взаимодействия и увязку действий было крайне мало и танкисты уяснили свою задачу уже в ходе боя. Командиры стрелковых батальонов, как основное звено организующее взаимодействие, были подготовлены слабо и всеми вопросами организации взаимодействия ведали командиры стрелковых полков и выше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.